

Портрет Алишера Навои.

Миниатюра Гератской школы. XV в.

АЛИШЕР НАВОИ

Говоря о том, что стихи знаменитого поэта Мир Касым Анвара очень ценил народ, а правители преследовали его, Навои в конце своей жизни писал: «Первый стих, который я выучил, было вот это двустиише:

Мы — гуляки и влюбленные, предающие огню
весь мир, и беззаботные —
Перед блаженством скорби но тебе нет нам дела
до раздумий о мире!

В то время мне было около трех или четырех лет. Когда досточтимые люди предлагали мне прочесть их, многие удивлялись моему чтению».

Вспоминая свое отношение к крайне сложной философской поэме великого Ф. Атгара, Навои сообщает следующий не менее интересный факт: «В мои детские годы, в школе... я был любознателен и всей душой стремился выучить «Речь птиц»... Мое наивное сердце расцветало от слов этой книги. Все мое существо было наполнено ими... Моя любовь к этой книге так усилилась, что это порвало мою связь с людьми... Я возненавидел обычные слова, употребляемые людьми в разговоре, и сам себе сказал: убегу в уединение от плохих людей...

Родители испугались... Лишили меня возможности читать... Прошло некоторое время, и они начали терять надежду, так как слова той книги оставались у меня в памяти. Я все время повторял их про себя».

Так подлинная поэзия с детских лет и навсегда вошла в жизнь Алишера, будущего создателя гениальных художественных ценностей, которые, как все, что неподвластно даже всемогущему времени, бессмертны.

Весьма примечательно, что в тяжелые дни войны в декабре 1941 года в Эрмитаже крупнейшие ленинградские ученые и представители общественности собрались, чтобы отметить пятисотлетие Алишера Навои, замечательную дату в культурной жизни советских народов.

Председательствовал академик И. А. Орбели. За стенами рвались снаряды, а под сводами Эрмитажа звучали слова великого узбекского поэта о мире, радости жизни, торжестве человеческого разума над тьмой жестокости и угнетения.

Так, пережив века, дошел он и до нас, ибо его творчество созвучно с нашим временем.

I

Эпоха, которая породила, вырастила и дала человечеству великого поэта и мыслителя, имела свои специфические особенности.

Годы пагубных междоусобных войн, придворных, феодально-клерикальных интриг и времена относительного спокойствия; чудесные архитектурные сооружения, пышные дворцы и разбросанные по всей стране трупы; процветающая культура и почти сплошная неграмотность населения; падение, бурный подъем и опять падение экономики и культуры; произвол «сильных мира сего» и бесправие широких народных масс; расширение и вместе с тем ослабление торговых, политических и культурных связей со многими странами мира, — вот чем отличалась эта эпоха.

Все это наложило свой отпечаток и определило образ мышления, характер творчества и жизненный путь Алишера Навои. К тому же с

Все это повлияло на его отношение к определению образа мышления, характер творчества и жизненный путь Тимура Навои. С одной стороны, служба и высокие должности при феодальном дворе, в окружении различной, в большей своей части реакционной феодально-клерикальной знати, а с другой — высокие мечты и благородные цели; поиски большой правды, удачи и неудачи, незнание подлинных «гайн» своих неудач и связанная с этим мучительная духовная драма, преследовавшая всю жизнь гениального сына своего времени.

После смерти грозного Тимура (1405 г.) быстро распалась его огромная феодально-деспотическая империя. Начались и продолжались на протяжении нескольких лет кровопролитные междоусобные войны. Свирепствовала реакция, одним из характерных и трагических проявлений которой было убийство великого ученого Улугбека, жестокое преследование его коллег по науке и разрушение его знаменитой астрономической обсерватории в Самарканде, являвшейся гордостью человеческого разума.

Когда Алишер родился (в Герате в 1441 г.) и учился в школе, эта трагедия все еще была свежа в памяти людей. Еще юношей он видел и помнил множество жестоких правителей, душивших живую мысль и занимавшихся грабежом народа.

Хотя Алишер вышел из знатной семьи, близкой тимуридским придворным кругам, но на его долю выпала весьма беспокойная, сложная и тяжелая жизнь. В результате смут и быстрых перемен в политической жизни семья Навои сначала покидает, а через несколько лет возвращается в Герат, пятнадцатилетний юноша поступает на службу к правителю Абул-Касыму Бабуру, затем переезжает в Мешкед, где начинает учиться в медресе, потом опять возвращается в Герат, а оттуда через некоторое время отправляется в Самарканд, который в то время славился как один из центров культуры на Востоке.

Наступил 1469 год — год, с которого начался новый период в жизни и деятельности Алишера: друг его юности Хусейн Байкара, с давних пор боровшийся за власть, наконец достиг своей цели, и по его приглашению Навои переезжает в Герат, столицу нового правителя, и получает высший придворный чин — хранителя печати. С этого года и до конца своей жизни он участвует в бурной и трудной общественно-политической и государственной деятельности. Служба при дворе протекала в исключительно сложных и порою опасных для жизни условиях. То Навои повышали в должности, то понижали, то вообще отстраняли, и все это сопровождалось его победами и поражениями в борьбе за свои передовые идеалы.

Хусейн Байкара не был типичным феодально-ограниченным правителем. Он способствовал установлению и сохранению относительного спокойствия в стране в течение длительного времени. В этот период большое развитие получили культура, наука, искусство и экономика. Находясь у него на службе, Навои осуществил ряд крупных общественно-полезных мероприятий в стране. Сам Хусейн Байкара был незаурядным поэтом, поощрял людей поэзии, искусства, а в своем творчестве боролся за развитие узбекского языка.

Однако при всем этом Хусейну Байкаре не чужды были деспотизм и произвол. Этим объясняется и то, что он не всегда поддерживал Навои в его прогрессивных начинаниях, а иногда и прямо конфликтовал с ним.

Несмотря на суровость своего века и трудность собственной жизни, Навои сумел создать бессмертные произведения, имеющие общечеловеческое значение. В них он бичевал угнетателей, разорителей народа, изобличал социальное зло, воспевал добро и справедливость.

Все это усиливало ненависть к нему со стороны представителей знати, выражавших и защищавших интересы реакционных феодалов, духовенства, сепаратистски настроенных вельмож.

В 1476 году Навои слагает с себя обязанности вазира (министра) и целиком отдается творческой работе. Он создает замечательные стихи и бессмертную «Пятерицу» («Хамсу») (1483–1485 гг.), проникнутую самыми передовыми для своего времени идеями.

Борьба представителей феодально-клерикальной реакции против Навои еще больше усиливается. И в 1487 году его отправляют в далекий Астрабад.

Но борьба — есть борьба. Нельзя падать духом, нельзя сдаваться. И в этой далекой и заброшенной части своей родной страны Навои упорно занимается благоустройством края и большой творческой работой. Его глубоко занимает судьба всей отчизны, беспокоят кизни придворных, которые в это время бесчинствовали в Герате и причиняли огромный ущерб стране, народу, а также подрывали престиж относительно централизованной власти Хусейна Байкары, которая в числе других факторов способствовала (особенно при непосредственном содействии Навои) сохранению спокойствия в стране.

Поэт неоднократно обращается к Хусейну Байкаре с просьбой вернуть его в Герат. Но безрезультатно. Спустя некоторое время султану многое становится понятным: интриги вельмож и авантюристов приобретают все более открытый и наглый характер, в столице и при дворе создается угрожающее положение. В результате Хусейн Байкара снова прибегает к помощи умного, предприимчивого Навои и в 1488 году разрешает ему вернуться в Герат.

Сохранилась не лишенная доли правды народная легенда.

Однажды представители феодальной реакции предприняли очередную попытку столкнуть Алишера Навои с Хусейном Байкарой. Султан поддался на это и удалил Навои от двора. Прошло несколько дней, Хусейн стал испытывать чувство раскаяния в содеянном по отношению к своему другу и одновременно гнев и ненависть — к интриганам. И вот наконец он вызвал к себе придворных и резко сказал им:

— Охотник заметил идущую в поле газель, прицелился в нее и выстрелил. Газель упала. Охотник подбежал и видит, что его стрела вошла в правую ногу животного и вышла через правое ухо.

До вечера разгадайте, каким образом это могло случиться. Иначе всех вас предам мучительной казни.

Убедившись в том, что подобную загадку может разгадать только великий Алишер и предпугав позор наказанию обеспокоенные

оседлавшись в том, что подобную загадку может разгадать только великий поэт, и предвзято поспорив с ним, бесноватые придворные пошли к нему. Навои сразу же понял, в чем дело, и саркастически сказал:

— Идите и ответьте вашему повелителю: в тот момент, когда охотник выстрелил, газель правой ногой почесывала свое правое ухо...

Интриганы, вне себя от радости, побежали к Хусейну и ответили так, как учил поэт. Шах понял, в чем дело, и разгневался.

— Подлые, бессовестные глупцы! Такую загадку мог бы разгадать только тот, на кого вы клеветали. Значит, вы опять совершаете преступление перед Алишером, выдавая его мудрость за свою. Я исполню свое обещание!

Сказав все это, шах приказал их казнить.

Вскоре Хусейн присваивает Навои титул «Приближенного его Величества Султана». Они предпринимают ряд мер, направленных на нормализацию положения в стране (строго наказывают некоторых высокопоставленных лиц, занимавшихся интриганством). Но не все меры дают желанный результат: поздно, многое было упущено, слишком тяжелые и глубокие раны были нанесены влиятельными реакционными сановниками.

К тому же надвигалась еще более грозная опасность. То в одной, то в другой части страны сыновья Хусейна Байкары поднимают восстания против централизованного государства, — восстания, направленные на расчленение страны. Шах оружием, Навои своими советами и непосредственным участием неоднократно пытаются усмирить мятежных царевичей. Но без успеха.

Наконец в декабре 1500 года становится известно, что Хусейн Байкара возвращается в столицу из очередного похода против одного из своих взбунтовавшихся сыновей. Совершенно обессиленный, Навои отправляется из Герата, чтобы встретить его. Во время их свидания ему стало худо, и через несколько дней — 3 января 1501 года — великий Алишер навсегда закрывает глаза.

II

Издавна на Ближнем и Среднем Востоке бурно развивалась поэзия, представленная различными течениями и множеством жанров. Творчество каждого из великих представителей этой поэзии — Рудаки, Фирдоуси, Низами, Аттара, Саади, Хафиза, Джамии — всякий раз открывало новую блестящую страницу в истории мировой изящной словесности.

Поэтическое наследие выдающихся предшественников способствовало формированию и развитию поэтического своеобразия таланта Алишера Навои.

К тому времени и узбекская литература имела уже свои сложившиеся многовековые традиции. Об этом свидетельствуют творения Дурбека, Атаи, Саккаки, Лутфи и др. Недаром современник и близкий друг Навои — великий таджикский поэт и мыслитель Абдуррахман Джамии (да и сам Алишер) называл Лутфи «царем поэтов». Выдающиеся узбекские поэты своим творчеством способствовали развитию родного литературного языка, что имело большое значение для того времени. Наряду с развитием традиционной любовной лирики они расширили рамки социальной проблематики поэзии. Весьма важным явилось и то, что они значительно усилили светский характер литературы, намного углубив и обогатив ее содержание.

Это была богатейшая поэтическая школа свободомыслия, на традициях которой воспитывался и вырос великий поэт-гражданин Навои.

Кроме того, он был достаточно хорошо знаком и с индийской и арабской литературой, творчески переосмысливал ее лучшие образцы. Не случаен, например, тот факт, что по указанию Хусейна Байкары (очевидно, не без инициативы Навои) был переведен на фарси шедевр индийской и мировой литературы — «Калила и Димна».

Другим важным истоком творчества Навои были мифологические предания и произведения устного творчества узбеков и других народов Востока, которые он широко и своеобразно использовал. Об этом красноречиво свидетельствуют часто встречающиеся в его произведениях образы мифических героев, притчи и сказания, пословицы и поговорки, афоризмы и сказки.

Навои считал, что главная задача литературы — утверждение прекрасного и борьба против социального зла. Художественное слово должно обличать угнетателей, отстаивая при этом духовное превосходство простых людей.

Размышляя о смысле поэзии, он пишет:

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержание, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

Художественное слово могуче, если оно выражает правду:

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

В своем творчестве Навои был верен принципам реализма, а также позитивного, жизнеутверждающего романтизма. Образы Фархада, Искандара и других символизировали высокие идеалы, могучую духовную силу и творческую способность человека.

В эпоху Навои борьба за узбекский язык приняла особо острый социальный характер. Поэт понимал, что язык является одним из важных средств развития культуры и приобщения народа к свету и знаниям. Он был убежден, что пренебрежительное отношение, оскорбляющее не только язык, но и народ, говорящий на нем, может причинить большой вред. Надо было раскрыть огромные возможности родного языка, развить и обогатить его.

С этой грандиозной задачей поэт справился блестяще, создав свои монументальные произведения, сохраняя при этом искреннее и глубокое уважение к языкам других народов. Заканчивая одну из своих поэм, он с гордостью писал:

Я — не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами,

Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда Гянджу и Рум;

Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан,

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами, —

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!..

Как поэт и ученый, Навои опирался на огромный, богатейший опыт, накопленный выдающимися учеными античного Востока и Средней Азии в области астрономии, математики, химии, философии и т. д. Об этом свидетельствует его интерес к работам Абу али ибн Сины, Фараби, Улугбека и других и множество собственных естественно-научных, философских, социологических наблюдений.

Навои понимал, что наука служит духовной эмансипации человека, народа, интересы которых он ставил превыше всего, и с глубоким уважением относился к художественным ценностям, созданным до него. Творчески соревнуясь со своими предшественниками, он, развивая традиционные сюжеты и образы героев, вкладывал в них новое содержание.

Говоря о своих поэмах, включенных в «Пятирицу» и весьма восторженно отзываясь о поэтах, некогда работавших в этом же жанре, Навои писал:

Преданья эти — плод седых веков, —
О них писали Низами, Хосров.

Основой взяв, я перестроил их:
Я жизни больше влил в героев их.

Так, сознательно не выходя за установившиеся жанровые рамки «Пятирицы», Навои по-своему продолжил сложившуюся в литературе Востока традицию — «назира» («подражание», «ответ»), дав на существующие и общепризнанные произведения данного типа свой полемический, совершенно новый вариант.

Тернистым был творческий путь Алишера Навои. Живя в сложных и суровых условиях, он всю свою жизнь искал правду и боролся за справедливость. Временами он был доволен результатами своих поисков и чувствовал себя победителем в этой борьбе.

Вместе с тем сама эпоха, представители господствующих классов отвергали лучшие стремления Навои, обрекая их на неудачу. Поэт, как сын своего времени, не мог постичь главных причин крушения своей мечты, в справедливости которой он был глубоко уверен.

Более того, Навои ставил и такие вопросы-задачи, на которые ни эпоха в целом, ни люди и наука тех времен, в частности, не смогли дать ответов. В этом бессилён был и гений Алишера.

Так, например, он хотел познать тайны далеких звезд и бескрайнего мироздания, понять внутреннюю сущность жизни на земле, установить подлинные причины того, почему добро растоптано, а зло торжествует, или мечтал о таком светлом обществе (особенно ярко это выражено в одном из его стихотворений на персидском языке), где существует гармония и господствует справедливость, где нет притеснитель и страдающих от них

притеснителей и страдающих от них.

И, конечно, для великого гуманиста крайне мучительно было сознание несбыточности (и непонимание ее причин) благороднейшей мечты, составляющей по сути квинтэссенцию всего его творчества, всех его поисков истинной правды и справедливости!

В результате назревала глубокая и мучительная духовная драма Навои, — духовная драма, которая временами доводила его до отчаяния и которая столь образно выражена им в следующих строках:

О, почему с тобой я не дружу, вино?
Забота и беда гнетут меня давно...

На этот мир земной чем больше я гляжу,
Тем более мое сознание темно!

Хотел небесных тел природу я постичь —
Не тайна для меня отныне ни одно.

Приход мой в мир земной, уход мой в мир иной —
Вот этого понять, увы, не суждено.

Ни мудрость многих книг, ни вера в благодать
Загадку разгадать не могут все равно.

Дружить старался я со множеством людей;
В чем жизни цель — никем ответа не дано.

И врач лечил меня, и чудотворец-шейх, —
Неисцелим недуг неразрешимых «но».

И ты бессилен здесь, мой многомудрый пир!..
Все существо мое сомнения полно.

Мне стало тяжело влачить неверья груз,
Терпение мое вконец истощено.

Бегу в питейный дом, прошу вина, — гляжу:
Разбитый черепок в руках своих держу!

Многозначительная деталь: и в питейном доме — разбитый черепок в руках поэта!.. Так глубока и сурова была трагедия великого человека!

Но Навои не сдавался. Вполне закономерная в условиях тех вре-мен его духовная драма, сколько бы она ни была сильна и мучительна, не могла помешать ему постоянно искать, находить, сомневаться, творить и бороться за высокие идеалы.

III

Удивительно широк и многогранен круг творческих интересов и поисков Навои. Он — поэт и мыслитель, ученый историк и лингвист, естествоиспытатель и теоретик литературы, музыки, государства и права, политический деятель. В своем творчестве он старался всесторонне и глубоко отображать действительность во всем ее многообразии. Нет ни одного более или менее заслуживающего внимания вопроса общественной жизни, человековедения своего времени, о котором не сказал бы своего слова и не определил бы своего отношения к нему Навои.

Так он создал свыше тридцати произведений, составляющих золотой фонд узбекской литературы.

В 1499 году он пишет свою большую философскую поэму «Язык птиц».

В этой поэме, являющейся ответом на «Речь птиц» знаменитого поэта Аттара, Навои выступает против того направления суфийской философии, которое было очень распространено на протяжении нескольких веков и сторонники которого считали природу и человека жалкой тенью бога, пропагандировали квиетизм, отказ от своего «я», от всего мирского.

Навои обожествляет человека и считает его самым ценным существом, неотделимым от самой природы, которая также прекрасна.

Другое произведение «Собрание утонченных» было написано Навои в 1491–1492 годах, а спустя несколько лет доработано. Эта книга представляет собою своего рода антологию современной автору поэзии. Будучи сам великим мастером художественного слова и тонким теоретиком литературы, Навои приводит в ней ценнейшие материалы и сведения более чем о трехстах поэтах. Исключительно важными

являются предельно лаконичная, но меткая характеристика и точная оценка, которые дает автор творчеству и миропониманию поэтов, их моральному облику и поведению, их месту и роли в литературе и жизни; его критические замечания, глубокие наблюдения и теоретические высказывания при разборе литературных и морально-этических явлений, об идейно-художественных достоинствах и недостатках творчества поэтов; суждения о назначении поэзии и т. д.

За несколько месяцев до своей кончины Навои создает философский, общественно-политический трактат «Возлюбленный сердец», в котором чувствуется влияние «Гулистана» Саади и «Бахаристана» Джами.

В начале произведения, как бы подводя итоги своей многолетней жизни, Навои описывает пройденный им тернистый и мучительный путь, полный тревог и волнений. Читая эти строки, нельзя не испытать боли и горечи и вместе с тем не восхищаться подвигом, стойкостью поэта, величием свершенных им творческих и практических дел.

Навои бичует шахов-деспотов, чиновников и воинов, грабящих народ и разрушающих страну; представителей духовенства, торговцев, обманывающих и обирающих тружеников; поэтов и ученых, одни из которых служат народу, а другие думают только о своих выгодах.

Конечно, как сын своей эпохи, Навои не ставил вопроса о коренном переустройстве современной ему социально-экономической действительности. Но одно ясно: великому гуманисту было глубоко ненавистно то положение, когда на его родине сосуществовали накопленные богатства немногих и мучительная нищета огромных масс людей, лишенных возможности и прав пользоваться этими богатствами.

Последняя работа — «Спор двух языков» — написана совсем незадолго до смерти автора. В ней Навои, как выдающийся ученый-лингвист, теоретик литературы, обобщает опыт своей многолетней борьбы за родной язык, показывает его богатство, тонкость и изящество. Недаром он с гордостью писал:

«Мне кажется, что я утвердил великую истину перед достойными людьми тюркского народа, и они, познав подлинную силу своей речи и ее выражений, прекрасные качества своего языка и его слов, избавились от пренебрежительных нападок на их язык и речь со стороны слагающих стихи по-персидски».

Так, Алишер Навои, в своих монументальных произведениях давно практически показавший богатейшие возможности родного языка, теперь теоретически обосновывает свои мысли о том, что на узбекском языке можно и нужно создавать сложные и крупные произведения для народа, говорящего на нем.

Навои очень рано начал писать стихи, и впоследствии поэзия стала главной в его жизни и деятельности. До конца своих дней он самоотверженно трудился на этом сложнейшем и благороднейшем поприще. Итогом этого поистине титанического труда явилась его знаменитая «Сокровищница мыслей», огромный поэтический свод, являющийся одним из самых крупных и выдающихся произведений всей мировой литературы.

Несмотря на то, что почти все формы лирической поэзии были достаточно хорошо разработаны еще в арабской, персоязычной и частично тюркоязычной литературе, Навои творчески использовал достижения своих предшественников всякий раз, выступая как поэт-новатор. К тому же он написал специальный трактат по теории техники и специфики стихосложения на узбекском языке, который называется «Весы размеров» и является замечательным научным руководством для тюркоязычных поэтов.

Навои значительно расширил тематику лирики, углубил ее социальное содержание, социальную направленность. Тем самым он в известной мере преодолел ту традицию, которая господствовала в течение нескольких столетий и в силу которой любовные чувства составляли единственный или почти единственный объект описания.

Тематика поэзии Алишера Навои настолько широка, а ее содержание настолько глубоко, что его «Сокровищницу мыслей» вполне можно считать опозитивированной энциклопедией человековедения той эпохи.

Навои был глубоким знатоком всех тонкостей человеческой психологии, поэтому главное и ведущее лицо в его стихах — лирический герой, весьма многогранный и сложный, но вместе с тем нередко простой и легко понятный. На страницах «Сокровищницы мыслей» вырисовывается обобщающий и цельный образ этого лирического героя со своими возвышенными устремлениями и ярко выраженным сложным человеческим характером. Читатель слышит биение его сердца, сочувствует его страданиям, когда он в горе, отчетливо слышит его голос радости, когда он счастлив, и вместе с тем не может не переживать или не радоваться одновременно с ним.

Так захватывающе ярко, богато и понятен этот герой огромного поэтического творения.

Навои создал еще один замечательный свод лирических стихов, который называется «Диван Фани». Эти стихи, созданные на иерсидско-таджикском языке и подписанные псевдонимом «Фани», не уступают «Сокровищнице мыслей», написанных на узбекском языке и подписанных — «Навои».

IV

Другим крупным плодом художественного гения Навои является «Пятерица», объединяющая в себе пять бессмертных поэм.

По своему собственному признанию, Навои, щедро отдавая дань газелям и вообще лирическим стихотворениям, все время думал о создании «Пятерицы». Это свидетельствует о том, что сам поэт придавал особое значение этому произведению, как главному труду своей жизни.

Вель после Низами. ктотопый как бы «открыл» этот жанр. многие стремились создать подобное поэтическое полотно. но только

Едва после тысячи, которых так бы похитил этот шаир, являясь странным созданием подчасное поэтическое искусство, но только отдельным счастливым удалось это. Навои стал одним из них. Именно в «Пяте-рице» поэт смог наиболее полно, глубоко и цельно отобразить эпоху и выразить свои сокровенные мысли и чувства.

«Смятение праведных» — первая поэма, включенная в «Пятерицу», является как бы теоретической программой для последующих поэм.

В начале произведения автор выдвигает мысль о том, что из всех существ самым ценным и совершенным является человек. Для подтверждения и обоснования этого тезиса Навои обожествляет человека и объявляет его самым прекрасным в мире.

После восхваления Низами Гянджеви, Хосрова Дехлави и Абдуррахмана Джами Навои переходит к последующим разделам поэмы, начиная их с высказываний о назначении литературы, об эстетическом отношении к действительности. При этом неизменными и главными условиями являются народность и правдивость. Прежде всего именно это делает художественное слово полезным и действенным:

Но если слово — правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

Исходя из этих принципов, Навои в специальных главах удивительно реалистически описывает и обличает образ мысли и жизни правителей, придворных, духовенства и богачей, то есть тех, кто занимал господствующее положение в обществе.

Вот характерная картина из жизни шаха и окружающих его, которые грабят народ, страну, предаются пьянству и разврату.

Там сквернословья слышен пьяный хор,
Там непотребства оскорбляют взор...

Так целый день в тени твоих палат
Царят разгул, и скверна, и разврат...

Когда же утро землю озарит,
Чертог царя являет гнусный вид:

Как будто рать в сражение полегла,
Распластаны упившихся тела,

Едва проснутся, бросятся опять
Последнее у нищих отбирать...

Казну пополняют, а ночной порой
Опять и шум, и гам, и пир горой...

Крайне важно и интересно отметить, что Навои признает только такого правителя, который честно служит народу, родине; и отвергает утверждение о том, что шах — представитель всевышнего на земле, ибо он такой же смертный, как и его подданные.

Поистине гражданским подвигом являлись следующие слова великого поэта, сказанные им в адрес правителя:

Своим рабам подобен ты во всём —
Во внешности и в существе своем.

Это было направлено против одного из основных принципов феодальной идеологии и связанных с ней господствующих общественных устоев.

В специальной главе поэт с гневом разоблачает реакционных представителей духовенства и говорит: одежда шейха соткана из ниток лжи, а игла взята из уса духа зла; хоть у него велика чалма, но под чалмой нет ни света, ни ума; посох его есть опорный столб дома обмана; а четки — зерна приманки для поимки простых людей в свои сети...

И Навои делает вывод:

Вот для чего им хитрость и обман:
Их цель — богатство, власть, высокий сан.

Так шейх «ведет людей к геенне огненной!».

Многие главы в поэме посвящаются щедрости, благопристойности, воздержанности, любви, верности, преданности, правдивости, пользе знаний, красоте родного края, ценности жизни, а также осуждению алчности, корыстолюбия, эгоизма, праздного образа жизни. При этом к каждой из этих глав приводится притча, которая является изумительным образцом новеллы в стихах. Таковы, например, рассказы о

Бахраме и Хатаме Тайском.

В одной из последних глав Навои поэтически воспеваает красоту и богатство родной страны, восхищается талантливым народом и чудесными плодами его труда. Весьма характерны слова, сказанные в связи с этим в адрес шаха:

Знай: справедливость громче славных битв
И выше догм, религий и молитв...

Пока стоят земля и небосвод,
Пусть благоденствует любой народ.

Второй поэмой «Пятерицы» является «Фархад и Ширин», которая выделяется широтой охвата самых значительных и животрепещущих вопросов эпохи. Среди них: воспевание жизнеутверждающей любви, дружбы, лучших человеческих качеств, осуждение губительной вражды, предательства, коварства, несправедливых разрушительных войн.

Центральная фигура поэмы — Фархад еще юношей освоил все известные в те времена науки и ремесла. Его не радуют и не интересуют ни царский трон отца, ни дворец, ни золото. Что-то очень серьезное, но таинственное мучает его. Он страстно влюблен, но объект его любви неизвестен; его душу терзает какой-то высокий, пленительный идеал, но что он собой представляет конкретно, неясно. После долгих поисков и путешествии по странам, после победы над фантастически сильными животными и после встречи с философом Сукротом (Сократом) Фархаду удается овладеть «талисманом Искандара» — зеркалом, в котором отображались все происходящие события, все то, что было и будет, весь многообразный мир и все тайны тайн. Благодаря этому зеркалу Фархад выясняет все то, что так долго мучало и терзало его сердце, — он видит в зеркале царицу красоты и сказочную страну справедливости. Рассказывая художнику Шапуру, с которым он подружился после кораблекрушения, Фархад называет эту страну чудесной, бесподобной и говорит, что именно ее он и разыскивал так долго. Сказочность этой страны подтверждает и Шапур, который говорит: я был там и вновь стремлюсь к тем дивным небесам.

Живительно-тепло погоды в ней,
Обилье роз и плодородье в ней.

Как сам Ирем, пленительно свежа
Она от рубежа до рубежа.

Армен — ее название...

Забегая немного вперед, скажем, что это подтверждает и сам простой житель этой страны, — один из тех, кто в муках пытался открыть путь к воде:

Отчизна наша — это рай земли...

Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану...

Опора нам владычество ее,
Отрада нам величество ее.

Это, конечно, в известной мере напоминает тот идеал, о котором мечтали великие поэты и мыслители прошлого, — мечту о такой стране, во главе которой стоит умный и справедливый правитель и население которой живет спокойно, счастливо. Именно такой описывает Навои страну армян.

Здесь важно не только то, что поэт воспеваает свою мечту о справедливом государстве. Главное — в показе и осуждении грабительских войн, акта неприятельского нашествия против этой дивной страны.

Фархад со своим другом Шапуrom прибывает в этот край и видит все то, что раньше показывало ему зеркало мира.

Характерно то, что Фархад сразу же обращает внимание на людей, которые пытаются провести канал через гранитную гору, и тут же сам берется за дело, освобождая их от мучительной работы. Показывая чудеса созидательного труда, он пробивает канал. Радостная весть быстро доходит до царицы Михин-Бану и Ширин. И тогда

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?»

Он добровольно нам в беде помог —
Действительно, его послал к нам бог!..»

Фархад осуществляет не только то, к чему так тщетно стремились люди. Он строит сказочный замок для Ширин и создает водохранилище.

Так, что дворец Ширин со всех сторон
Узором водным был осеребрен.

Когда он дело это завершил,
И город он снабдить водой решил.

А город был внизу, и без воды
Там огороды гибли и сады.

Фархад исчислил высоту, — она
Двум тысячам локтей была равна.

И с этой кручи вниз пустил Фархад
За водопадом в город — водопад.

И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там...

Народ «изумлен трудом Фархада», наступает праздник водопуска:

Когда же стал арык приютом вод,
Волнение всколыхнуло весь народ.

Как будто вся толпа сошла с ума,
Такая началась там кутерьма,

Такая суматоха, клики, рев, —
И тут и там, с обоих берегов.

Подтягивали пояса певцы, —
Настраивали голоса певцы,

Так, чтоб напевы их звучали в лад
С водой, которую пустил Фархад.

Народ ликует, безгранично счастливы в своей чистой любви Фархад и Ширин.

Но... именно в этот момент Навои и переходит ко второй основной, а в некоторых отношениях — к главной части произведения, то есть описанию и осуждению деспотов-захватчиков и грабительских войн. Всю свою ненависть и проклятье, все острие своей критики поэт направляет против них.

Иранский шах Хосров с целью пленения Ширин и покорения ее страны, ее народа начинает войну, сея на своем пути смерть и разруху. Фархад вступает в неравный бой с полчищами насильников. Иного выхода у него нет, ибо: «Иль он Хосрова, иль Хосров — его?» И,

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступил, как муж, врагов губя...

Убедившись в невозможности победить Фархада в открытом бою, Хосров с помощью предательства и коварства берет его в плен. Между ними происходит знаменитый диалог, вопрос-ответ, который является кульминацией в столкновении и борьбе двух взаимоисключающих начал — добра и зла, героизма и вероломства.

Ни Фархад, ни Ширин не сдаются. Хосров вновь прибегает к обману — посылает к находящемуся в заточении герою колдунью с ложным сообщением о своем браке с Ширин. От этого горя Фархад умирает.

Но этим трагедия не кончается. Далее Навои описывает страшную сцену отцеубийства: для того чтобы завладеть Ширин и трон, сын Хосрова убивает своего отца. Но судьба жестоко карает его. По просьбе Ширин труп Фархада привозят в ее замок, где она, будучи не в силах навсегда расстаться со своим возлюбленным, умирает.

Однако финал поэмы не пессимистичен. Напротив, смерть Фархада и Ширин по существу означает победу над злом, с которым они не хотели и не могли смириться. К тому же их трагедия и гибель вызывают активную ненависть против злых сил и горячую симпатию к тем, кто способен с ними бороться.

Бахрам, молочный брат Фархада, прибывает с войском в страну армян, изгоняет захватчиков, заставляет их возместить весь ущерб, причиненный войной, а одного мудрейшего человека из родни Михин-Бану торжественно возводит на престол.

Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;

Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он.

Народам и державам — там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!..

В заключительной части Навои с гордостью говорит:

Писал я вдохновенно день за днем
На милом сердцу языке родном.

Второй поэмой «горя и разлуки» является «Лейли и Меджнун».

Юные Кайс и Лейли горячо и страстно полюбили друг друга. Однако отец девушки является вождем крупного арабского племени и обладателем большого богатства. Поэтому он запрещает дочери даже показываться Кайсу, сыну менее состоятельного предводителя небольшого арабского племени. Более того, он нарекает Кайса именем «Меджнун» (одержимый) и заставляет его отца посадить сына на цепь, как умалишенного. Но юноша верен своему чувству, он мучается, но предан любимой.

Лейли безмерно страдает, думая о возлюбленном. Несмотря на все это, ее отец дает согласие болезненному и развратному, но очень богатому Ибн-Саламу на брак с дочерью. Свадьба откладывается из-за того, что Лейли заболевает от страданий.

Меджнуну удастся порвать цепи и бежать в степь. После долгих поисков родители находят его и везут в Мекку в надежде на то, что это паломничество освободит его от любви и исцелит его болезнь. Но тщетно. Вернувшись, Меджнун опять находит приют в степи, среди диких зверей. Однажды он встречается с неким Науфалем, который обещает помочь ему. Меджнун соглашается, но, опасаясь того, что отец Лейли может убить дочь, уговаривает Науфаля не начинать войну.

И снова он один в степи. Отец слишком стар и крайне измучен. Меджнун вынужден дать согласие на брак с дочерью Науфаля, которая во время свадьбы сообщает, что у нее есть свой любимый. Юноша очень рад этому обстоятельству, сердечно благодарит девушку и уходит, говоря: «Я сам хотел уйти. Ты помогла». К его мукам от разлуки с любимой прибавляются еще и новые обстоятельства: умирают отец и мать, не перенеся горя сына. В это время происходит сватовство Ибн-Салама и Лейли, которая убегает со свадебного вечера, встречается в степи с Меджнуном, после чего вынуждена снова вернуться в свой шатер. Не выдержав боли разлуки и несправедливости, она тяжело заболевает. Узнав о страданиях любимой, юноша приходит в дом Лейли. Происходит последняя встреча — Лейли и Меджнун навсегда прощаются с жизнью, предпочтя смерть унижению и насилию.

В своей всемирно известной поэме Навои воспевает чистую и возвышенную любовь, которая облагораживает и возвеличивает человека. Она настолько могущественна, что человек ради своей любви и возлюбленной не останавливается ни перед какими трудностями и препятствиями. Светлое чувство Лейли и Меджнуна задумано и растоптано, оскорблено и унижено в феодальном обществе, одним из главных законов и моральных норм которого является непоколебимый принцип: богатство превыше всего. Поэт осуждает ненавистное и свойственное феодальному обществу материальное и общественно-политическое неравенство, источник множества людских трагедий. Он отвергает господствующий антигуманистический моральный принцип, согласно которому человек, его достоинства, честь и совесть не имеют никакой ценности.

В главе, посвященной беседе отца Меджнуна с отцом Лейли, последний очень точно и образно «обосновал» свое несогласие на любовь двух молодых людей:

Знай, заслужил безумец одного:
Цепь, только цепь — лекарство для него!

Иль ты забыл могущество мое,
И каково имущество мое,

И как мое значенье велико?
С тобой и с сыном справлюсь я легко!

Или тебе неведом больше страх?
Я раздавлю, я превращу вас в прах!..

Благодаря резкому осуждению и отрицанию бесчеловечного принципа «богатство превыше всего», который погубил Лейли и Меджнуна, поэма, выходя за рамки чисто любовной тематики, приобретает огромный внутренний социальный смысл.

Будучи не в состоянии перенести удары злой судьбы и подлых людей, Меджнун проявляет слабость и находит приют в безлюдной степи, предпочитая либо полное одиночество, либо дружбу с хищниками, обитателями пустыни.

Искренне сочувствуя трагедии Меджнуна, восхищаясь чистотой и благородством его души, Навои не одобряет его одиночества и словами умнейшего и благороднейшего полководца Науфаля осуждает пассивность героя, который пренебрегает дружбой с людьми:

Наперекор обычаям, пойми,
Ты зверям другом стал, порвав с людьми.

Ласкаешь ты зверей, людей боясь,
Ужель тебе с людьми противна связь?

Творения светило — человек,
Предвидения сила — человек!..

И погуляй со мною в тех местах,
Где ты навек запутался в сетях...

Нам не помогут просьбы и казна, —
Поможет нам священная война...

Одной породы — люди все, поверь,
Природы разной — человек и зверь!..

Коль встреча с *ней* — желание твое,
Ты приложи старание твое!

Пытаясь раскрыть внутреннюю динамику развития образа Меджнуна, Навои стремится психологически мотивировать поступки героя, который, поддавшись уговорам своего друга Науфаля, готов отказаться от своего прежнего образа жизни и стать активным борцом за торжество правды и справедливости.

Одна из величайших трагедий эпохи Навои заключалась в исключительно тяжелом и бесправном положении женщин, которые находились в значительно худшем положении, чем мужчины. Трагедия женской судьбы нашла свое яркое образное отражение в одном из писем Лейли к Меджнуну:

Но что поделать, если я раба,
Владеет мной жестокая судьба.

Хотя недугом страсти болен ты,
Но ты мужчина, в страсти волен ты.

Куда захочешь, можешь ты пойти, —
Одни колючки встанут на пути.

Пойдешь ли в горы, побежишь ли в дол, —
Тебе не станет цепью твой подол.

Но мне бежать оковы не дают,
Освободиться не могу от пут!

Лейли и Меджнун погибают. Однако их гибель в известном смысле означает торжество высокого идеала, торжество свободной любви,

а это и есть наивысшее человеческое счастье. Лейли и Меджнун предпочли честную смерть рабской позорной жизни, которую навязывали сильные мира сего, — стало быть, идеалы двух влюбленных сердец оказались сильнее античеловечных устоев эпохи, одержав победу над ними. Поэтому не случайны слова Лейли, которые она, как назидание, говорит перед смертью своей рыдающей матери:

Пусть эту розу победил недуг, —
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

Но люди, звери, горы и леса
Поймут твоей печали голоса...

Предпоследняя поэма «Пятерицы» называется «Семь планет». Это остросюжетное многоплановое произведение, в котором ход повествования перебивается семью вставными новеллами в стихах. Причем каждая из них, при ее самостоятельном характере, связана с главной сюжетной линией поэмы, в центре которой история любви шаха Бахрама Гура и невольницы по имени Диларам.

Деспотичный шах влюбляется в Диларам и, безрассудно поддавшись своей страсти, перестает заниматься государственными делами, доводит свой народ до полной нищеты. Положение усугубляется еще и тем, что в порыве гнева он бросает свою возлюбленную в безлюдной степи на съедение хищным зверям. Раскаявшийся шах, потеряв Диларам, утратил покой. Чтоб успокоить Бахрама, каждую ночь к нему приводили странника из далекой страны, который рассказывал ему нравоучительную историю.

Первый рассказ посвящен щедрости. Во втором — говорится о мошеннике-ювелире, который обманным путем накопил огромное богатство.

На третий день Бахраму поведали о том, как бесстрашный, предприимчивый юноша по имени Саад, благодаря совету мудреца, преодолевает всевозможные преграды и женится на дочери шаха, становится его наследником.

В четвергом и пятом рассказах повествуется о том, как в крайне тяжелых условиях и сложнейших ситуациях, проявляя подлинный героизм и отвагу, девушки спасают своих возлюбленных от гибели.

Очень характерен следующий вывод, который делает поэт, сообщая о казни тиранов и убийц:

И кровью их окрасились поля,
Розовоцветной сделалась земля...

Пришла пора цветенья роз. Взгляни,
Какие дивные настали дни!

Шестой рассказ посвящен двум юношам — Мукбилю, который, благодаря своей правдивости, честности, завоевал любовь и уважение людей и справедливого шаха и стал его зятем, и Мудбиру, который лгал честным людям, что и привело его к гибели.

В последнем, завершающем рассказе странник, ни о чем не подозревая, повествует Бахраму об исключительно красивой и талантливой женщине, приехавшей в Хорезм и живущей там, о ее приметах, о тайне ее судьбы. Шах догадывается, что речь идет о Диларам, которую спас ее приемный отец, и немедленно посылает в Хорезм своих слуг, которые и привозят ее. И опять начинается праздная, беззаботная жизнь, пьянство, охота, угнетение, ограбление народа...

В конце своей поэмы Навои рассказывает о возмездии, которое ожидает Бахрама: во время его очередной охоты природа «восстает», поднимается буря, гремит гром, кровь закипает в арыках; обильно пролитые шахом и его приближенными слезы и народная кровь превращают землю в страшное бушующее болото, которое и поглощает угнетателей и убийц.

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Пятой, последней, поэмой «Пятерицы» является «Стена Искандара», представляющая собой подлинную энциклопедию общественной жизни и мыслей эпохи Навои.

Вначале поэт подчеркивает необходимость и полезность глубокого изучения истории и сам по-своему, то есть совершенно по-новому, воскрешает давно прошедшие буйные времена.

Воспитываясь у мудрейших ученых, Искандар уже юношей овладел всеми науками и проявил удивительные способности в понимании самых сложных вопросов мироздания. После смерти отца он стал шахом и сразу начал карать притеснителей народа и проводить важные мероприятия на пользу страны. Родина Искандара и многие другие страны изнывали под игом иранского императора-деспота Дары. Искандар вступил с ним в войну и победил его. После этого все, подчинявшиеся Даре, выразили согласие служить Искандару. Только правители Кавказа, Китая и Индии отказались ему в этом. Искандар силой оружия победил царя Кавказа, оставив на покорении

правители Кашмира, Китая и Индии отказали ему в этом. Искандар силой оружия победил шаха Кашмира, остальные непокорные, убедившись в бесполезности сопротивления, приняли его условия и признали его власть над собой. Затем Искандар отправился походом на Магриб — Северную Африку и установил там свои законы. Возвращаясь на родину, он встретил жителей гористых местностей, которые просили помочь освободить их от гнета и нашествия чудовищных племен людоедов —

На их макушках волосы — копной,
Торчат их космы — в семь пядей длиной,

Ничем не одеваются они,
Ушами укрываются они...

Они клыками, словно кабаны,
Изрыли землю нашей стороны.

Искандар воздвигает величественную и неприступную защитную стену, подвергает разгрому и истреблению дикарей, пришедших на очередную расправу с жителями.

Так благодаря усилиям Искандара народ навсегда освободился от разорения, страха и угрозы смерти.

Во всех известных в те времена странах устанавливаются Искандаровы порядки. Великий полководец хочет теперь изучить тайны природы, для чего в специально изготовленном стеклянном шаре опускается на дно моря. Не ограничиваясь этим, он ищет источник жизни. Но тщетно. В пути на родину Искандар тяжело заболевает и умирает. Его тело отправляют в Александрию. Выполняя завещание полководца, его рука не покоится на груди, а поднята высоко над краем саркофага, а это значит: люди, смотрите, даже сам Искандар, владыка всей земли, уходит из этого мира с пустыми руками...

«Стена Искандара» — объемное многоплановое эпическое произведение, в котором нашли свое отражение основные вопросы, волновавшие умы и сердца людей того далекого времени.

Главным героем поэмы является Искандар, и почти весь сюжет произведения связан с его личностью, с его деятельностью и мировоззрением. В лице великого полководца древности Навои создает образ идеального правителя и противопоставляет его государственным деятелям своей эпохи. Создав яркий и многогранный образ Искандара, Навои якобы имел в виду Александра Македонского, о котором очень много писалось на Востоке. Однако в действительности герой поэмы не имеет ничего общего с подлинным историческим полководцем и императором.

Искандар совершенно безразличен к богатству. Более того, гнаться за золотом он считает великим преступлением. Его твердое убеждение таково:

...Что мне казна, что — блеск ее!
Народ и рать — сокровище мое...

Тот царь, чей благоденствует народ,
Богатство подлинное обретет...

Зачем нам золото и серебро.
Когда от них беда, а не добро?

И Навои, как бы подтверждая слова своего героя, говорит:

За золотом и серебром в поход
Он не пошел; освободил народ.

Искандару чужды чванливость и эгоцентризм. Он окружил себя величайшими учеными, мудрецами, с которыми часто беседует и которые своими ценными советами помогают ему успешно осуществить задуманное. Более того, он совещается с народом и считается с его мнением и пожеланиями.

Искандар не рвется к власти. Для него власть не цель, а средство для претворения в жизнь благородных задач. Как правитель, он чувствует ответственность перед государством и его жителями. Он «созывает народное собрание» и обращается к собравшимся со следующей «небывалой речью»:

О люди Рума! Вы — пред солнцем дня —
Как море, окружившее меня!

Высокой вы иль низкой вы судьбы,
...

Вы все, как я, Всевышнего рабы...

Могучий духом нужен вам, друзья,
У власти муж, а не такой, как я...

Нет у меня таланта — шахом быть!
За правду вы должны меня простить...

Теперь, достойнейшего возлюбя,
Царя вы изберите для себя!

Затем он советует народу избрать такого правителя,

Чтоб он во всем и всех превосходил,
Чтоб править только он достоин был.

Чтобы с любовью, с чистою душой,
Как солнце, он сиял над всей страной.

Чтоб в правосудье вечной был весной,
А для злодеев — громовой стрелой.

Чтобы врага нещадно он разил,
А подданных надежно защитил...

И пусть высоко он свой держит меч,
Сумеет угнетение пресечь...

Пусть угнетателям отпор дает,
Чтобы в покое, в мире жил народ.

Весьма характерно и отношение народа к Искандару, который одобряет его деятельность.

«Среди врагов сильнейших в трудный час
Не оставляй беспомощными нас!

Ведь к слову правды наш народ не глух,
Ты словом правды поразил наш слух...

Где нам найти подобного тебе,
Великой приобщенного судьбе?..

Ведь справедливость источаешь ты,
Как солнце — свет, дыхание — цветы!..

Но отходи же от судьбы своей!
Эй, шах, не обездоливай людей!

Ведь стонов, бедствий, слез и нищеты
Не вынесешь, коль нас покинешь ты... "

Так Искандару говорил народ,
Взывал, вопил и слезы лил народ.

Но Искандар не ограничивается заботой о процветании своей страны, его занимают судьбы народов мира, которые разорены и изнывают под гнетом своих поработителей. Он собирает огромную армию из представителей различных народов (среди них были и русские, высокими боевыми качествами которых восхищается поэт) и отправляется в поход для осуществления своей заветной мечты: «Освобождай народы мира, превращая в прах их угнетателей, а весь свет — в цветущий сад». В каждой стране народ благодарит своего спасителя. Так, например, из Кашмира ему

Писали: «Под насильственным жезлом
Народ наш не народом был — рабом!

Но, испытав могучий твой таран,
Бежал Маллу, безжалостный тиран.

Тобой от рабства освобождены,
К тебе мы благодарностью полны».

Искандар создает своеобразное централизованное государство, в котором повсеместно восторжествовали справедливость и благоденствие.

И радовались люди всей земли,
Которые свободу обрели.

И ликовал не только весь народ,
Весь ликовал девятисферный свод.

В произведениях некоторых предшественников Навои, посвященных Искандару и его походам, рассказывается о том, как великий полководец случайно встретил сказочный городок, где царил общее благополучие. В своей поэме Навои опускает этот эпизод, видимо, потому, что в отличие от других авторов он хочет показать, что во всем подвластном Искандару государстве нет угнетателей и угнетенных, поработителей и поработенных, кровавых интриг и войн.

Подвергая резкой критике современный ему мир раздора и разрухи, золота и нищеты, гнета и мрака, великий гуманист лелеял, хотя и несбыточную в те времена, мечту о создании идеального государства благополучия народов.

V

Творчество Навои проникнуто высокими идеями гуманизма и патриотизма. Его безграничная любовь к своему народу и Родине нисколько не мешала с большим уважением относиться к другим народам. Он возвеличил и воспел дружбу между народами независимо от того, где они проживают, на каком языке говорят, к какой расе относятся и каково их вероисповедание. Эта дружба обогащает, улучшает народы:

Поймите, люди всей земли: вражда — плохое дело,
Живите в дружбе меж собой — нет лучшего удела.

Фархад из Хотана, где жили узбеки, и армянка Ширин, Шапур из Ирана и индийцы Масуд, Фаррух, аравитянка Лейли и араб Меджнун, греки Искандар, Арасту, Афлатун, римлянин Плиний и многие другие, — самые любимые герои Навои!

Далеко не случайна глубочайшая ненависть Навои, человека, жившего во времена кровопролитных и губительных событий, гуманиста, всем сердцем желавшего, чтобы все народы жили в мире, дружбе и благе, — к жестоким и несправедливым войнам и захватчикам, которые сеили вражду, смерть и горе. «Они, — говорил поэт, — страшные существа, хуже смерти. Их занятие — грабить все, что удастся наgrabить, и, как саранча, уничтожать зелень... повреждать листья в чужих странах. Между ними и человечностью ничего общего нет... Им чужды сознательность, рассудок, совесть и разум. Куда бы они ни направлялись, беспощадно сжигали все, день и ночь занимались мерзостями... Они не сознают, какие мучения приносят народу холод и жара, насколько вредны и мучительны голод и нагота. Они — самые подлые животные, звери... Их желудки не насытятся наgrabленным; они живут лишь для того, чтобы сеять смерть и горе».

Да, гуманиста Навои интересовали судьбы не только своего народа, но и всех народов земного шара, он не мог равнодушно относиться к их горькой участи. И поэтому в своих эпико-героических поэмах он призывал к активной борьбе с теми, кто сеет вражду между людьми.

Сам Алишер Навои, будучи близким другом великого таджикского поэта Абдуррахмана Джами, своей общественно-политической и творческой деятельностью показал удивительный образец дружбы, который является прекрасным выражением и символом многовекового братства узбекского и таджикского народов.

...Навои связал свою судьбу с народом, с его сокровенными мечтами о лучшем будущем, с его стремлениями к прекрасному и доброму.

Подлинная народность, общечеловеческий, интернациональный характер его творчества, гениальное художественное мастерство обусловили то огромное влияние, которое оказывал он на протяжении нескольких столетий на развитие передовой художественной культуры не только узбекского, но и ряда других народов. Характерным является то, что все основоположники новых литератур этих народов — узбекской, казахской, азербайджанской, туркменской, татарской, каракалпакской и других — считали его одним из своих великих учителей и наставников.

Творчество Навои, выдержав суровые испытания веков, дошло и до нас. Великий и прозорливый поэт верил в могучую силу человеческого разума и совести и, обращаясь к потомкам, говорил:

За темнотой придет сиянье света,
Ты в это верь и будь непоколебим...

Вахид Захидов

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

Перевод В. Державина

О НИЗАМИ И О ХОСРОВЕ ДЕХЛАВИ

Он — царь поэтов — милостью творца
Жемчужина Гянджийского венца.

Он — благородства несравненный перл,
Он в море мыслей совершенный перл.

Его саманной комнаты покой
Благоухает мускусной рекой.

Подобен келье сердца бедный кров,
Но он вместил величье двух миров.

Светильник той мечети — небосвод,
Там солнце свет неистощимый льет.

Дверная ниша комнаты его —
Вход в Каабу, где дышит божество.

Сокровищами памяти велик
Хранитель тайн — учителя язык.

Хамсу пятью казнами назови,
Когда ее измерил Гянджеви.

Там было небо чашей весовой,
А гирею батманной — шар земной.

А всю казну, которой счета нет,
Не взвесить и не счесть за триста лет.

Он мысли на престоле красоты
Явил в словах, что как алмаз чисты,

Так он слова низал, что не людьми
А небом был он назван: «Низами».^[1]

И «Да святится...» как о нем сказать,
Коль в нем самом и свет и благодать?

Хоть пятибуквен слова властелин,
Но по числу — он: тысяча один!^[2]

От бога имя это рождено!
А свойств у бога — тысяча одно.

«Алиф» начало имени творца,^[3]
Другие буквы — блеск его венца.

Шейх Низами — он перлами словес
Наполнил мир и сундуки небес.

Когда он блеск давал словам своим,
Слова вселенной меркли перед ним.

После него Индийский всадник был
В звенящей сбруе воин полный сил.

С его калама сыпался огонь,
Как пламя был его крылатый конь.

К каким бы ни стремился рубежам,
Шум и смятение поселялись там.

И в крае том, где мудрый строй царил,
Он сотни душ высоких полонил.

Его с индийским я сравню царем,—
Ведь Хинд прославил он своим пером.

Все пять его волшебных повестей
Живут, как пять индийских областей.

А Шейх Гянджи собрал, как властный шах,
Казну — неистощимую в веках.

Стал от него Гянджийский край богат,
Он был не только шах, но и Фархад.

Путь прорубал он, гору бед круша...
Гора — поэзия, а речь — тиша.

Душа его, как огненная печь,
И току слез печали не истечь.

Он сходит — пир свечою озарить,
Пирующих сердца испепелить.

Когда знамена над Гянджой развил,
Он, как державу, речь объединил.

В те страны, что открыл он в мире слов,
Вослед повел полки Амир Хосров.^[4]

От старого гянджийского вина
Душа делийца навсегда пьяна.

Где б Низами шатер ни разбивал,
Потом делиец там же пировал.

С «Сокровищницей тайн» гянджиец был,^[5]
Делиец — с «Восхождением светил».^[6]

Гянджиец новым нас пленил стихом,
Делиец следовал ему во всем.

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли.

Единственный лишь равен тем двоим,
Который, как они, — неповторим.

ОБ АБДУРРАХМАНЕ ДЖАМИ^[7]

Он, как звезда Полярная в пути,
К познанию призван избранных вести.

Он клады перлов истины открыл,
В зеркале сердца тайну отразил.

С семи небес совлек он тьму завес,
Разбил шатер поверх семи небес.

Он обитает в мадрасе своей,
Вкушая мир средь истинных друзей.

Его цветник — высокий небосвод,
Он пьет из водоема вечных вод.

Как небо несказанное, высок
Его словоукрашенный чертог.

Там ангелы крылатые парят,
Чертог его от нечисти хранят.

Под сводом худжры, где живет мой пир,
Скажи — не мир блистает, а Сверхмир.

Дервишеской одеждою своей
Он затмевает блеск земных царей.

Душа его есть плоть и естество,
Хоть пышно одеяние его.

От лицемерия освобожден,
Лохмотьев странничьих не носит он.

Невидимое, скрытое от нас,
Он видит, совершая свой намаз.

Его походка — молнии полет
Летающий изумляет небосвод.

Перелистав страницы мира, он
Соткал, как облак, занавес времен.

Из крови сердца, а не из чернил
Соткал он занавес — и тайну скрыл.

В его чернильнице сгустилась тьма,
Но в ней — вода живая — свет ума.

Кто из его чернильницы возьмет
Хоть каплю, тот бессмертье обретет.

Стихом он все иклимы покопил

Стихом он все тайны покорил,
А прозой новый мир сердцам открыл.

Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

Но преданности в круге бытия
Столь твердой нет, как преданность моя!

Хоть солнцем вся земля озарена,
В нем и пылинка малая видна.

Один — средь певчих птиц в тени ветвей,
Шах соловей над розою своей.

Прочесть мне было прежде всех дано
Все, что ни создал мудрый Мавлоно.^[8]

Так солнце озарит вершины гор
Пред тем, как осветить земной простор.

Так видит роза, к свету бытия
Раскрыв бутон: шипы — ее друзья.

Мне помнится одна беседа с ним:
Был наших мыслей круг необозрим.

И вот — в потоке сокровенных слов —
Возникли Низами и Мир Хосров.

Две «Пятерицы» создали они,
Тревожащие мир и в наши дни.

По среди этих дивных десяти
Ты первых два дастана предпочти.

Что ты в «Сокровищнице тайн» открыл,
Найдешь и в «Восхождении светил».

И остальные все дастаны их
Прекрасны; в них — глубины тайн живых.

«Сокровищница тайн»... в ней глубина,
Где вечных перлов россыпь рождена.

И отблеск «Восхождения светил»
Нам Истины завесу приоткрыл.

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово — правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

А если нить надежна и прочна,
Без жемчуга какая ей цена?

И дни прошли после беседы с ним.
И счастье стало вожаком моим.

Вновь навестил я пира моего

И вижу рукопись в руках его.

Он оказал мне честь, велел мне сесть,
Дал мне свой «Дар», как радостную весть.

Сказал: «Возьми, за трудность не сочти,
Сначала до конца мой труд прочти!»

А я — я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не отирая слез.

«Дар чистых сердцем» — тут же прочитал,^{[\[9\]](#)}
Как будто чистый жемчуг подбирал.

То — третий был дастан; хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

В нем скрыто содержание первых двух,
Но есть в нем все, чтоб радовался дух.

И, потрясенный, сердце я раскрыл,
Его творенье в сердце поместил.

И, завершив прочтенье песни сей,
Желанье ощутил в душе своей,

Желанье вслед великим трем идти —
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни!

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

Коль сути первых двух мне свет открыт,
То будет третий мне и вождь и щит.

Когда я к цели бодро устремлюсь,
Когда с надеждой за калам возьмусь,

Я верю — мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.

Тогда смелее к цели, Навои!
И пусть молчат хулители твои.

Порой бедняк, к эмиру взятый в дом,
Эмиром сам становится потом.

Ведь мускус родствен коже; а рубин
Из горных добыт каменных глубин.

Сад четырех стихий — усладный хмель;
Ограда сада — бедная скудель.

Отрадны пламя, воздух и вода,
~

земля же — их основа навсегда.

Красив цветочный дорогой базар,
Но рядом есть и дровяной базар,

Пусть у тебя одежд атласных тьма,
Но ведь нужна для дома и кошма.

В цене высокой жемчуг южных вод,
Солому же один янтарь влечет.

Царь выпьет чистый сок лозы златой,
Пьянчужка рэнд потом допьет отстой. [\[10\]](#)

Я псом себя смиренным ощутил —
И вслед великим двинуться решил.

Куда б ни шли, и в степь небытия,
Везде, как тень, пойду за ними я.

Пусть в подземелье скроются глухом,
За ними я пойду — их верным псом.

ГЛАВА XIV

О СЛОВЕ

Я славлю жемчуг слова! Ведь оно
Жемчужницею сердца рождено.

Четыре перла мироздания — в нем,
Всех звезд семи небес блистанье — в нем.

Цветы раскрылись тысячами чаш
В саду, где жил он — прародитель наш.

Но роз благоуханных тайники
Еще не развернули лепестки.

И ветер слова хлынул с древних гор
И роз цветущих развернул ковер.

Два признака у розы видишь ты:
Шипы и благовонные цветы.

Тех признаков значение — «Каф» и «Нун»,
То есть: «Твори!» Иль, как мы скажем: «Кун!»

И все, что здесь вольно¹ иль не вольно²,
От этих букв живых порождено.

И сонмища людей произошли
И населили все круги земли.

Как слову жизни я хвалу скажу,
Коль я из слов хвалу ему сложу.

Ведь слово — дух, что в звуке воплощен,
Тот словом жив, кто духом облачен.

Оно — бесценный лал в лапках — серлпах

Это — бесценный лад в ларцах — сердцах,
Оно — редчайший перл в ларцах — устах.

С булатным ты язык сравнил клинком,
С алмазным слово я сравню сверлом.

Речь — лепесток тюльпана в цветнике,
Слова же — капли рос на лепестке.

Ведь словом исторгается душа,
Но словом очищается душа.

Исус умерших словом воскрешал —
И мир его «Дающим Жизнь» назвал.

Царь злое слово изронил сплеча,
Так пусть не обвиняют палача.

По слову в пламя бросился Халил,
И бремя слова тащит Джабраил.

Бог человека словом одарил,
Сокровищницу тайн в него вложил.

Не попади душой кумиру в плен,
Чей рот молчанием запечатлен.

Она прекрасна, уст ее рубин
Твой ум пьянит сильнее старых вин.

Но пусть она блистает, как луна,
Что в ней — всегда безмолвной, как стена?

Ты, верно, не сравнишь ее с иной,
Не спорящей с небесною луной.

Пусть не лукавит взглядом без конца,
Пусть не пронзает стрелами сердца.

Пусть даже внешне кажется простой
И пусть не ослепляет красотой.

По если дан ей ум, словесный дар,
То он сильнее самых сильных чар.

Она упреком душу опьянит,
Посулом смуту в сердце породит.

И пусть обман таят ее слова,
Но как от них кружится голова!

И видишь ты, что все ее черты
Полны необычайной красоты.

Как устоишь перед таким огнем,
Хоть ты сгораешь, умираешь в нем?

А коль она прекрасна, как луна,
И в речи совершенна и умна,

Коль, наряду с природной красотой,

Владеет всю мудростью земной.

Она не только весь Адамов род,
Но коль захочет — целый мир сожжет.

Такой красе, сжигающей сердца,
В подлунной нет достойного венца.

Когда певец прославленный средь нас
Ведет напев под звонкострунный саз,

То как бы сладко он ни пел без слов,
Нам это надоест в конце концов;

Мелодия любая утомит,
Когда мутриб играет и молчит.

Но если струны тронет он свои
И запоем газели Навои,

Как будет музыка его жива,
Каким огнем наполнятся слова!

И гости той заветной майханы
Зарукоплещут, радостью полны,

И разорвут воротники одежд,
Исполнены восторга и надежд.

Что жемчуг, если слово нам дано?
Оно в глубинах мира рождено!

Пусть слова мощь сильна в простых речах,
Она учетверяется в стихах.

Стих — это слово! Даже ложь верна,
Когда в правдивый стих воплощена.

Ценнее зубы перлов дорогих;
Когда ж разрушатся — кто ценит их?

В садах лелеемые деревья
Идут в нагорных чащах на дрова.

Речь обыденная претит порой,
Но радует созвучной речи строй.

Когда дыханье людям дал творец,
Он каждому назначил свой венец.

Шах, расцветая розой поутру,
Главенствует в суде и на пиру.

И каждый место пусть свое займет,
Тогда во всем согласие пойдет.

Царь должен за порядком сам смотреть,
И не дозволено ему пьянеть.

Не должен бек с рабами в спор вступать,
Стой благолепный пина напирать.

Строй благостный игра нарушать.

Фигуры, бывшие в твоей руке,
Рассыпались на шахматной доске

И кто-то из играющих двоих
В порядке, по две в ряд, расставит их.

Встают ряды и стройны и крепки —
В двух песнях две начальные строки.

Но силы их пока затаены,
Меж ними есть и кони и слоны.

Коль у тебя рассеян ум и взгляд,
Твой шах и от коня получит мат.

Столепестковой розою цветет
Тетрадь, чей сшит любовно переплет;

Но вырви нить, которой он прошит, —
Лист за листом по ветру улетит.

Так участь прозы — с ветром улетать,
Поэзии же — цветником блистать.

Удел ее поистине велик —
Она цветет в предвечной Книге Книг.

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержанье, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

О боже, дай мне, бедному, в удел,
Чтоб я искусством слова овладел!

ГЛАВА XV

Несколько слов о том, что в слове содержание является его душой, а без содержания форма слова — тело без души

ГЛАВА XVII

ОПИСАНИЕ ДУШИ

В саду эдема — на заре времен —
Был человек из глины сотворен.

Дохнуло утро по лицу земли,
Чтоб все цветы вселенной расцвели;

Дабы прекрасен и благоухан
Возрос из праха созданный Рейхан.

Дух жизни искру жизни раздувал,
Чтобы огонь души не угасал.

О ты, воспевший мир живой души,
Ее природы свойства опиши!

Бутоном розы в тело вмещена,
Она раскрыться розою должна.

Твоя душа в твоей крови живет,
В биенье сердца жив души оплот.

Но это внешний вид ее и цвет,
В ней — мира суть, без коей жизни нет.

Все, что душа собой животворит,
Как кровь, живую розою горит.

Но ведь Ису нельзя сравнить с ослом,
Пророка не сравнить с его врагом!

Суфием торгаша не назовешь,
Хоть розни в них телесной не найдешь.

Не о душе телесной говорю,
На степень духа высшую смотрю.

Есть разница меж сердцем и душой,
Их — по названью — путают порой.

Душа над розой тайны — соловей,
Светильник в доме искренних людей.

Эдемское благоуханье — в ней,
Истока истины сиянье — в ней.

Ее «Вершиною» назвал мой пир;
Суфий сказал, что это — Высший мир.

Но этот Высший мир — мне скажешь ты,
Увы, незрим в зеркале чистоты.

Священна Мекка для любой души,
Но — прах она пред Каабой души.

Святыня Каабы влечет сердца;
Душа — святыня вечного творца.

Но трудный путь должна душа пройти,
Чтобы сокровищницу обрести.

Искуса тропы круты и трудны,
Пока твой дух дойдет до майханы.

Как облака несущегося тень,
Обгонит он молящихся весь день...

Душа в обитель горною придет
И там, с мольбой, к порогу припадет.

Иль, забредя в кабак небытия,
Поклонится огню душа твоя...

Твоя душа — Фархад в горах скорбей;
Ее удар — стальной кирки острей.

Порою на земных лугах вдали
Душе твоей является Лейли.

И кружится Меджнуном вокруг нее
Душа твоя, впадая в забытие.

То саламандрой пляшет на огне,
То прячется, как жемчуг в глубине.

То в воздухе как облако встает,
То сыплет наземь проливень щедрот.

Но где бы ни была — везде должна
Свой образ совершенствовать она.

Увидеть все должна и все познать,
Чтоб назначенье в мире оправдать.

Того, кто в этот высший мир идет,
Мир «Человеком духа» назовет.

Халифов и царей сравнишь ли ты
С владыкою сокровищ доброты?

И ведай: счастье зиждет свой престол,
Чтоб чистый сердцем на него взошел.

Ты душу, сердце — все отдай ему,
Душой и сердцем подражай ему.

О, Навои! Полы его одежд
Коснись — во исполнение надежд!

ГЛАВА XVIII ПЕРВОЕ СМЯТЕНИЕ

Исход души из мрака небытия и соединение ее с утром бытия

Эй, кравчий! Отогнала мрак заря!
Дай пить мне из фиала, как заря!

Синица спела мне: «пинь, пинь!» — «пить, пить!»
И утром я, с похмелья, должен пить!

Я заглушу вином печаль свою,
Как утренняя птица запою.

Встал златоткач рассветных покрывал,
Основу стана ночи оборвал.

И письма он выткал для меня:
«Клянись зарей! Клянись светилом дня!»

И горные вершины озарил,
И коврик свой молитвенный раскрыл,

Ночь утащила черный свой престол,
И веник утра след ее замел,

И мускус, сеявшийся над землей,
Сверкающей сменился камфарой.

И вот нежно-лиловый небосвод
Раскрыл в росе золотой тюльпан высот.

Эбен дарчи слоновой костью стал,^{[\[11\]](#)}
И желтым жаром запылал мангал.

Рассветный сумрак в утреннем огне
Сгорел; померкли звезда в вышине.

Павлиньих перьев ночи блеск исчез,
И стало чистым зеркало небес.

И человек открыл глаза свои —
В забвенье бывший, как в небытии.

Как жизнь, он ветер утренний вдохнул,
Завесу тьмы забвения отогнул.

Рожденный в мире, мира он не знал
И самого себя не понимал,

Беспечному подобен ветерку,
Не ведая, что встретит на веку.

Явления мира стал он изучать,
Со всех загадок снять хотел печать.

Чем больше было лет, чем больше дней,
Разгадка становилась все трудней.

Все было трудно робкому уму,
И откровения не было ему.

И, не уверен, слаб и удивлен,
В чертоге мира занял место он.

И безнадежен был, и в некий час
Из неизвестности услышал глас:

«Вставай! Простор вселенной обойди!
На чудеса творенья погляди!»

Он встал, пошел — и видит пред собой
Сады Ирема, светлый рай земной.

И вечный он презрел небесный сад,
Овеян чарами земных усад,

Где деревья, склоняясь до земли,
Густые ветви с лотосом сплели.

Что небо перед их густой листвою?
В их тень уходит солнце на покой.

Там стройных кипарисов синий лес
Стоит опорой купола небес.

Там тысячью широколапых звезд
Чинар шумит — защита птичьих гнезд.

И лишь зимой, как золото, желты,
С чинара наземь падают листы.

Сандал листвою вздыхает, как Иса,
Умерших оживляет, как Иса.

Не землю — чистый мускус ты найдешь,
Когда в тот сад прекрасный забредешь.

Там ветерок с нагорий и полей
Колеблет ветви белых тополей.

Там, как меняла, со своих купин
Монеты сыплет утренний жасмин.

Деревья там — густы и высоки —
Укрыли звезды, словно шишки.

Чинарами окружены поля,
Соперничают с ними тополя.

Стан кипариса розы оплели;
Там ветви ив склонились до земли.

И пуговицы на ветвях у них —
Подобье изумрудов дорогих.

Там — в хаузах — прозрачна и светла,
Вода блистает, словно зеркала.

Ручьи, чей плеск от века не смолкал,
Мерцают рукоятями зеркал.

Живая в тех ручьях течет вода,
В ней жажду сердца утолишь всегда.

Там самоцветами окружены
Цветы неувядающей весны.

Те камушки — не кольца на корнях,
Хальхали у красавиц на ногах.

Цветы теснятся, полны юных чар,
И не развязан узел их шальвар.

А для кого красуются цветы?
Ты — их султан, над ними волен ты.

Здесь поутру дыханье ветерка
Росинку скатывает с лепестка...

Здесь ветви в хаузе отражены,
Как локоны красавицы луны.

Роса на розах утренних блесит,
Как светлый пот на лепестках ланит.

И лилии, как змеи, извиты —
Здесь перешли предел своей черты.

Гремит и щелкает в тени ветвей
Отравленный смертельно соловей.

То, что мы пуговицами сочли,
Колючкой стало выющейся в пыли.

А соловей... неймется соловью,
Поет он, презирая боль свою.

В тени фазан гуляет и павлин,
Как радуга безоблачных долин.

Он пьян, павлин; ломает он кусты
И попирает нежные цветы.

Густые космы ива расплела,
Как будто впрямь она с ума сошла.

Ей на ногу серебряную цепь
Надел ручей, чтоб не сбежала в степь,

Морковка тянется — тонка, бледна.
Или она желтухою больна?

Но почему ей рыбкою не быть,
Чей взгляд желтуху может излечить!

Чем ярче блещет золото лучей,
Тем весны расцветают горячей.

Тюльпан — игрок; продув весь цвет красы,
Под утро платит каплями росы.

Его игрой залюбовался мак,
И сам — до нитки — проигрался мак.

Фиалка опустила шаль до глаз,
Она росинку прячет, как алмаз.

Пусть молния расколет небосвод,
Дождинка вестью Хызра упадет.

И ветерок на доли и леса
Дыханьем жизни веет, как Иса.

Шумя, стремятся воды с высоты,
Растут, блистают травы и цветы.

А тот, кто это увидеть сумел,
В глубоком изумлении онемел.

Куда бы он ни обращал свой взгляд,
Чудес являлось больше во сто крат.

Себя он видел пол лугой небес

Сек он видел под дугой неба,
В кругу неисчерпаемых чудес.

Но главной нити всех явлений он
Не видел, непонятым окружен.

И понимал, тревогою томим,
Что вот — безумья бездна перед ним.

Но — образ мира в этом цветнике,
И целый мир сокрыт в любом цветке.

Не сам собой растет он и цветет,
Есть у него Хозяин-Садовод.

И тот, кто сердцем истину познал,
В своем смятенье сам себе сказал:

«Пусть предстоит в явлениях бездна мне,
Но удивленье бесполезно мне.

Свой разум светом правды озари,
На все глазами сердца посмотри!»

И правду он в груди своей открыл,
И свет ему дорогу озарил.

Воркует голубь, свищет соловей,
Лепечут деревья листвою ветвей.

И все живой хвалою воздают
И славу Неизменному поют.

По свойствам, им присущим навсегда,
Слагают песню ветер и вода.

И удивленный вновь был поражен:
Все пело, а молчал и слушал он.

Он молча облак вздоха испустил
И снова стал беспмятным, как был.

* * *

О, кравчий, существо мое — в огне!
Вином зари лицо обрызгай мне.

Чтоб овладел я памятью моей
И в чаще слов гремел, как соловей.

ГЛАВА XIX ВТОРОЕ СМЯТЕНИЕ

О том, как душа, подобная птице, обладающей перьями Хумаюна, перелетела из цветка этого мира в небо — во мрак неизвестного мира ангелов

День за горами скрыл прекрасный лик,
Над степью ветер мускусный возник.

Нарцисс благоухающий уснул,
Восток дыханьем амбры потянул.

Цветок заката желтый облетел.
Небесный сад цветами заблестел.

И день, уйдя за грань земель иных,
Рассыпал мускус из кудрей своих.

Благоухает мускусом ручей,
А в сердце человека сушь степей.

Он, утомленный долгим жарким днем,
Закрыв глаза, чтобы забыться сном.

Уснул рябок в посеве до зари,
Во мраке мечутся нетопыри,

Сова, бесшумно взвившись в вышину,
Как в круглый бубен, гулко бьет в луну.

И тысячи разнообразных роз
В росе раскрылись, словно в брызгах слез.

И дивные дела в ночной тиши
Явились взору дремлющей души.

Судьба, как фокусник и лицедей,
Пришла с палаткой колдовской своей.

Ее палатка — синий небосвод,
А куклы — звезд несметный хоровод.

И полудужье Млечного Пути
Звало, манило — на небо взойти.

Тот путь — зовущий издревле сердца —
Не живопись на куполе дворца.

Прекрасен сад небесной высоты,
Где блещут звезд бессмертные цветы.

Душа, как птица, вся рвалась в полет
И устремилась в высоту высот.

Телесный прах оставив на земле,
Она кружила в небе, в млечной мгле.

И крылья, что внезапно отросли,
Высоко над землей ее несли.

Вот так душа живая — ты пойми —
Была на первом небе из семи. [\[12\]](#)

Дух человека землю облетал,
Жемчужной сферой мира заблистал.

Кружились хоры звезд в своем кольце,
Стал человек алмазом в том кольце.

Нет, то кольцо, как блюдо, мне блеснит,
Где сонм свечей собрание осветит.

Душа — в ночи разлуки мне она
Свечой среди развалин зажжена;

Свечою в хижины несущей свет,
Сияньем, пред которым ночи нет.

Кругл облик мира. Вечный звон его
Несметных четок — славит божество.

И мнится пение его кругов
Мне словарем, где мириады слов.

И вот душа живая, окрылясь,
В сады второго неба поднялась.

И там она красавицу нашла,
Чьи брови — черный лук, а взгляд — стрела.

Кольчуга локонов из-под венца
Завесой скрыла лунный блеск лица.

В ней было двойственное существо —
Она и Кравчий, и творец Наво.

Хоть вешней юностью она цвела,
Старуха ей подругою была.

Все были жилы и мослы видны
На теле уцербленной той луны.

Певец, как врач, свой обнажал ланцет,
И плакал он, что в жилах крови нет.

Он плакал, крови не добыв из жил,
И плачем этим Вечному служил.

И в новый круг небес душа пришла,
Там, где султанша мудрая жила.

Она писала, или — может быть —
Жемчужную нанизывала нить.

Вся прелесть мира — в образе ее
Бесценном, редкостном, как мумиё.

Ее вниманье тонкое всегда
В любой сосуд вольется, как вода.

Ее перо черно, но письмена
Блистают. Славит истину она...

И дух черту высот перелетел,
На некий новый свод перелетел.

В ларце сапфирном неба там блистал
Перл, что вселенной средоточьем стал.

Был свет его в надоблачной тиши,
Как свет первоисточника души.

Как зеркало, весь мир он отразил,
Свет зеркалу луны он подарил;

Он ангелом кружит по тверди сей,
На крыльях огневеющих лучей.

Там сам Иса живой открыл родник,
Неистошимый вечных сил родник.

Не потому ли вечный мрак глубокий,
Что вечной жизни в нем горит исток?

Бьет исполинскими лучами свет,
Как крылья величайшей из планет.

Нет — то не огненные арыки,
То — славящие бога языки...

И вот увидел дух в пути своем
Тот круг, где Тахамтан стоит с копьем.^[13]

Он — в тучах гнева. В годы старины
Им сотни звезд хвостатых рождены.

Они летают в небе сотни лет,
Но духу гнева примиренья нет.

Он миру местью издавна грозит,
И меч его двуострый ядовит.

Он в руки череп чашею берет
И не вино — а кровь из чаши пьет.

Идет он, стрелы длинные меча;
Луна Навруза — след его меча.

Но меч его и каждая стрела —
Все это было Вечному хвала.

И перенесся дух живой тогда
В тот круг, где шла счастливая звезда.

Она, как ангел в радужных шелках,
Она — дервиш небес и падишах.

Хоть на высоком троне вознеслась,
Она от блеска мира отеклась.

Она являет по ночам свой лик,
Ей в небе — факел счастья проводник.

В ней — разум, а лица ее цветков —
Как счастья совершенного залог.

В ее владеньях нет ни тьмы, ни зла,
А в песнопеньях — Вечному хвала.

Душа вошла потом в питейный дом;
Ходжа — индийский старец в доме том.

Во всех своих деяньях терпелив,
Усердием в работе он счастлив.

Как ночь страданий, темен он челом —
И на обе ноги, должно быть, хром.

За расторопным служкой он глядит,
А сам в углу по целым дням сидит.

Как Каабу, он весь небесный свод
За тридцать лет однажды обойдет.

Но четки звезд перебирает он,
Единственного восхваляет он.

И дух, что чуждым стал мирской тщете,
К надмирной устремился высоте.

Неколебимая твердыня — там.
Коран гласит: «Светил святыня — там,

Где под землей и над землей идет
Двенадцати созвездий хоровод».

Но холм в любом созвездье видишь ты —
Престол для несказанной красоты.

Взгляни, как чередуются они,
Как над землей красуются они!

И все глаголом сердца говорят,
Дарителя щедрот благодарят.

И вот ступил на высшую ступень
Скиталец-дух — незримый, словно тень.

Вошел он в храм, где статуи Богов,
Как изваяния из жемчугов.

Там не было брахманов, но кругом
Блистали Будды древним серебром.

Гул их молитвы истов был и чист,
Казалось: Будде молится буддист.

Увидев эти дива, не спеша
Весь круг их чутко обошла душа.

И поклонилась. Было им дано
То видеть, что от нас утаено...

И вот душа, внезапно изумясь,
Стократным удивленьем потряслась.

Все в средоточье здесь.
Одна она Рассеянна и речи лишена.

Свет ослепления за пологом

Свет откровения ее поверг
В беспамятство. И свет ее померк.

* * *

О, кравчий мой! Мне столько испытать
Пришлось, что стало тяжело дышать.

Я к чаше сам не дотянусь моей —
Ты в рот мне сам вино по капле влей!

ГЛАВА XX

ТРЕТЬЕ СМЯТЕНИЕ

Нисхождение смятенного странника мрака мира ангелов в столицу государства тела

Вот солнце стягом осенило мир
И весь под ним объединило мир;

И село на высокое седло,
И крупной рысью по небу пошло,

Пересекло меридиан, спеша,
Жарой испепеляющей дыша.

А странник-дух — дремал в ту пору он,
В забвенье изумленьем погружен.

Над ним полдневный небосвод пылал;
И вздрогнул он, опомнился и встал.

Жар лихорадочный таился в нем,
Как будто жар вина струился в нем.

Он ощутил себя чужим всему,
И родина возжаждалась ему.

Опять дорогой трудной он пошел,
Стезю исканий миру предпочел.

Земной простор скитальца восхитил.
И в некий дивный город он вступил.

По воле движется тот город сам;
Предела нет в нем скрытым чудесам.

Из глины первозданной сотворен,
Он формой совершенной наделен.

На двух столпах саманных, город тот
В себе самом вселенную несет.

Четыре перла сокровенных сил
В состав его строитель положил:

Огонь и дух — две силы высших в нем,
Земля, вода — две силы низших в нем, —

Слились в нерасторжимое одно,
Как волею творящей решено.

В том городе — мечеть, базар и сад,
Дома, дворцы, и даже — харабат.

Его огонь — горящий куст Мусы,
Дыханье — как дыханье уст Исы.

Орошены рекой живой воды
Его благоуханные сады.

Стоит в твердыне града тахт золотой,
Там шах сидит, что правит всей страной.

Во всех краях страны и поясах
Смятенье, копь на троне болен шах.

Но процветают город и страна,
Когда рука правителя сильна.

Над градом возвышается дворец,
Чей круг наметил циркулем творец.

Не по божественным ли чертежам
Воздвигнут свод — на удивленье нам?

Тот свод — вершина всех земных чудес —
Подобье свода вечного небес.

Что куполу небесному дано —
Все в куполе земном отражено.

Когда врата откроет тот чертог,
То перлы сыплются через порог.

Из цельного рубина створы врат
Бесценные жемчужины таят.

За ними, восхищающими взор,
Разостлан царский пурпурный ковер.

Дворец — на пропитание свое —
В ворота вносит яство и питье.

Посредством сих божественных забот
Весь этот город дышит и живет.

И два истока есть в твердыне сей —
Дороги очистительных путей.

Два продуха есть над рубином врат,
Что город весь дыханием дарят.

Снаружи замок чистым серебром
Окован с несказанным мастерством.

А звукоуловители его
Внимают звукам сущего всего.

И, внемля этим голосам, народ
Державы той в спокойствии живет.

И царь страны с советниками сам
Всегда внимает этим голосам.

У шаха мудрый первый есть вазир.
Чье назначенье — изучить весь мир.

Что даже круг незримой точки сей
Сумеет разделить на сто частей.

Его решенья — мудры и ясны —
Велениями жизни рождены.

Вазир счастливый охраняет трон,
И справедливость у него — закон.

Пять неусыпных стражей в замке том,
Все внемлющих, все знающих кругом.

Но каждый делом занят лишь своим,
И несравнимы все один с другим.

Хоть каждый на посту за свой лишь страх —
Согласие у них во всех делах.

Один из них все зримое кругом
Увидеть должен в зеркале своем.

Другой, внимая чутко каждый звук,
Все знает, что свершается вокруг.

А третий — кравчий — пробует подряд
Все блюда: не сокрыт ли в пище яд.

Четвертый — различает дух любой.
Он слышит: мускус мокрый иль сухой.

А пятый чует холод и жару,
Колючки он не предпочтет коври.

Вот: зренья, осязанья, вкус, и слух,
И обонянье — клички этих слуг.

С их помощью дана нам благодать
Весь мир, нас окружающий, познать.

Чертоги замка росписью горят,
У входа пять хранителей не спят.

И зорко вглядываются во тьму,
И внемлют движущемуся всему.

И в тот же миг доносят обо всем
Глядящему бессонно за дворцом.

Все вести тот, кого «Умом» зовут,
Приносит размышлению на суд.

И третий есть хранитель той страны

и трети есть хранитель той страны —
Оценщик знаний, счетчик всей казны.

То память — сторож кладовой дворца,
Богатства собирает без конца.

Все, что извне к нему ни попадет,
Он прибирает, счет всему ведет.

Приобрести способен целый мир
Казнохранитель — истовый вазир.

Восходит он к властителю в чертог,
Сей Каабы облобызав порог.

И внемлет сам ему счастливый шах —
Высокий духом, справедливый шах.

Сокровищницу проверяет он,
И то, что нужно, отбирает он.

Ценнейшее берет он для даров
Владыке и зиждителю миров.

Дабы достигнуть ревностью своей
В познание блага высших степеней,

Дабы надежды светоч обрести
На том крутом спасительном пути.

И станет сам на том пути вождем,
Коль верен он в служении своем.

Увидел дух, смятеньем обуян,
Весь мир — в пылинке, в капле — океан.

И, поглощенный мыслью, как китом,
Он закружился в океане том.

Хоть дым раздумий до неба вставал,
Он ничего вокруг не понимал.

В огне смятенья истребился он,
В огонь чистейший превратился он.

Телесно он очистился огнем,
И новый зренья дар открылся в нем.

Свет вечности скитальцу заблестел,
И он себя в том городе узрел.

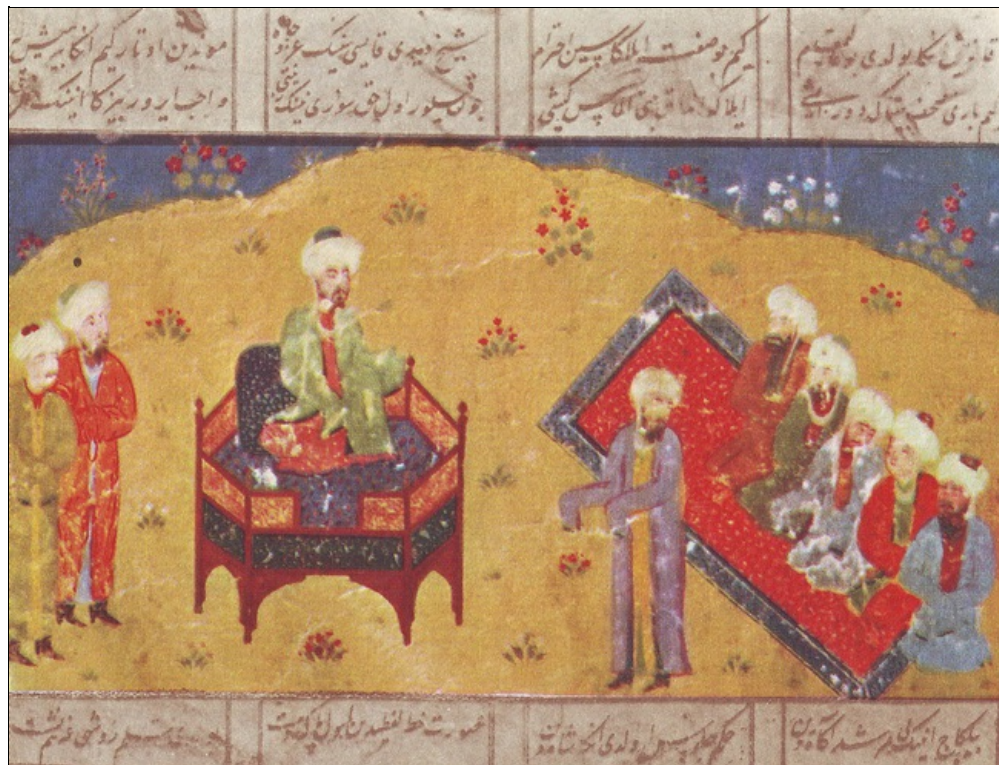
В то царство он вошел, как свет во тьму,
И подчинился целый мир ему.

Сам стал он царством, троном и царем,
Всевидающим и сведущим во всем.

Он суть свою, как книгу, прочитал,
Себя познав, он Истину познал.

Дай, кравчий, чашу чистого вина!
Да будет чаша царственно полна!

Я пламя жажды духа утолю,
Как бога, человека восхваляю!

Миниатюра из рукописи XV в.

«Смятение праведных»

ГЛАВА XXVI ТРЕТЬЯ БЕСЕДА

О султанах

О ты, кому, как небу, власть дана,
Ты, чьи литавры — солнце и луна.

Ты волен в зле сегодня и в добре,
И солнце всей страны — в твоём шатре.

Венец твой вознесен главой твоей,
Престол твой утверждён стопой твоей.

И звезды неба — горы серебра
Для твоего монетного двора.

Твой трон, пред коим падают цари,
Благословляет хутбой Мушгари.

Запечатлен твой перстень на луне,
Твой светлый щит, как солнце по весне.

Ты — мудрый Сулейман в юдоли сей;
Хума парит над головой твоей.

Ты правишь там, где правил древний Джам.
Златой фиал идет твоим перстам.

Но ты на перстне надпись не забудь,
Что «В справедливости — к спасенью путь»!

Молясь, аят Корана повторяй:
«Правитель, справедливо управляй!»

Ты помни, что судья в твоих делах —
Сам возвеличивший тебя аллах.

Могучих он к ногам твоим поверг,
И чуждый блеск перед тобой померк.

Склоняется перед тобой народ,
Покорно он твоих велений ждет.

Творец миров, владыка звездных сил,
Людей твоей деснице подчинил.

Но сам пред ним ты немощен и слаб,
Ты сам — его творение и раб.

Как все, ты — прах и обречен земле.
Как все, ты — сгусток тьмы, не свет во мгле.

Своим рабам подобен ты во всём —
По внешности и в существе своем.

Но красотою речи и умом,
Но совершенством в мастерстве любом,

Упорством каждодневного труда,
И честностью — со всеми и всегда;

Но преданностью богу твоему
И полным подчинением ему

Ты уступаешь — не мужам святым,
А самым низким подданным своим.

Но все ж калам судьбы предначертал,
Чтоб ты султаном в этом мире стал.

Неизреченный дал тебе печать,
И жезл, и власть — людьми повелевать.

Ты капель был. Но в море превратил
Тебя живой Источник Вечных Сил.

И в этом — воля, власть и мощь творца;
А божью власть приемлют все сердца.

По жребию ли тайному, — одно
Такое счастье здесь тебе дано, —

Ты знай: вершина мудрости земной
В искусстве управления страной.

Пусть для народа шах добро творит
И за добро творца благодарит.

Установи закон добра взамен
Насилия — «И будешь ты блажен!»

Да, здесь ты — царь, но царь на краткий срок...
«Так осчастливь людей!» — сказал пророк.

Божественных велений череда Несметна.
Друг народу — будь всегда!

Народ — твой сад. Будь мудрым, Садовод!
Будь, пастырь, добрым! Стадо — твой народ.

Пастух задремлет — волки нападут,
Урон великий стаду нанесут.

Забросишь сад — засохнут деревья
И пригодятся только на дрова.

Благоустраивай и орошай
Свой сад! Волков от стада отгоняй!

За то, что стадо защитишь и сад,
Награда — урожай, приплод ягнят.

А коль сады загубишь и стада,
Придут к тебе тревога и беда.

Умрешь, перед судом предстанешь ты...
Что ты ответишь? В бездну канешь ты.

Открой глаза и правдой озарись!
Всю жизнь на благо подданных трудись!

Ты благоденствуешь, а твой народ
В невыносимых бедствиях живет.

Но труженик, и в бездне нищеты,
Духовно выше степенью, чем ты.

Предстанут пред владыкою времен
Тот, кто гнетет, и тот, кто угнетен.

Награду угнетенный обретет,
А на тебя проклятие падет.

Язык того, кого ты угнетал,
Тебе вонзится в сердце, как кинжал.

И перед бездной содрогнешься ты,
Как стебель, от стыда согнешься ты.

Ты счастлив ныне, но идешь во мрак.
В эдем пойдут гонимый и бедняк.

Каждый из нас знает, что такое

Когда же все грехи твои сочтут,
Тебя стократным мукам предадут.

И не поможет бог беде твоей, —
Предвечный бог — не сборщик податей.

Иглу у нищих силою возьмешь —
Знай: та игла тебя пронзит, как нож.

Спеши, утешь обиженных тобой!
Не то — сгоришь в геенне огневой.

За всех, кого колючкой ранишь тут,
Тебе стократно в бездне воздадут.

И будет пламень вокруг тебя жесток
За тех, кого хоть искрой ты обжег.

Отнимешь нить у нищих, эта нить
Удавом вырастет — тебя душишь.

Ты властен. Над тобою — никого.
Но ты — палач народа твоего.

Насильник обездоленных людей,
Насильник ты и для души своей.

Взгляни: ты в скверне по уши погряз!
Беги, пока твой разум не погас,

Уйди от зла, добром наполни мир!
А ты, восстав от сна, бежишь на пир.

Подобен раю, светел и высок
Для пиршества украшенный чертог.

Но в киноварной росписи его
Алеет кровь народа твоего.

Завеса, чья неслыханна цена,
Не из парчи — из жизней соткана.

Украшен жемчугами твой шатер, —
Ты у народа отнял их, как вор!

Чтоб яшму взять для арки и стены,
Гробницы древние разорены.

Вот на пиру садишься ты на трон.
Фиал вином шипучим опенен.

Там кравчие снуют — полны красы,
Вельможи льнут к ногам твоим, как псы.

Чтоб жажду утолить, шербет, вино —
В стократном им количестве дано.

Там речи — пустословие одно,
Их верным слушать стыдно и грешно.

Там сквернословья слышен пьяный хор,

Там непотребства оскорбляют взор.

Покамест день сияет над землей,
На сборище разгульном чин такой.

Когда ж звезда вечерняя блеснет
И ночь страницу дня перечеркнет,

Зажгутся свечи, но бесчинство то ж
Идет и у тебя, и у вельмож.

Свеча, пылая, плачет над тобой,
И, падая, рыдает кубок твой.

«Дай денег!» — казначею ты кричишь
И, как петух охрипый, голосишь.

Так целый день в тени твоих палат
Царят разгул, и скверна, и разврат.

Забыв завет пророка! От вина
Толпа твоих гостей пьяным-пьяна.

Хоть каждый тигра злобного лютей,
Но все покорны власти пса страстей.

Корыстью низкой души их горят,
Они давно презрели шариат.

Не дрогнут изнасиловать, растлить,
Чтоб изменную похоть утолить.

Когда же утро землю озарит,
Чертог царя являет гнусный вид:

Как будто рать в сражение полегла,
Распластаны упившихся тела.

Уже намаз полуденный вершат,
А в замке царь, вельможи, войско спят.

Едва проснутся, бросятся опять
Последнее у нищих отбирать.

Все взыщут, не оставят ни зерна:
Мол, пополнения требует казна!

Казну пополняют, а ночной порой
Опять — и шум, и гам, и пир горой.

Когда бесчинству царь дает пример,
Бесчинствуют вельможа и нукер.

Вот так проходят ночи их и дни;
О будущем не думают они.

Пророка и халифов четверых —
Ты вспомни, заступивший место их!

Где у тебя закон? Где правый суд?
И .....

к чему твои поступки приведут?

По воле бога ты султаном стал —
А ты народ измучил, обобрал!

Молитва, пост завещаны тебе,
А ты привык к веселью и гульбе.

В самозабвенье дни твои пройдут...
Опомнись! Вспомни: грянет грозный суд!

И ужас смерти обоймет тебя;
Никто в ту пору не спасет тебя.

Не шахом, жалким прахом станешь ты.
Как из пучины зла воспрянешь ты?

Когда ты жизни грань перешагнешь,
Ты знай, что там пощады не найдешь.

Раскайся, справедливость прояви,
Себя для жизни вечной оживи!

Твое насилие, низость и разврат
Земле и небу вечному претят.

Раскайся же отныне навсегда!
Трудись! Страшись грядущего суда!

Хоть никакой не волен человек
Не совершить греха за долгий век,

Хоть совершенства полон только тот,
Кто создал мир и многозвездный свод,

Но ты, порой невольно оступясь,
Раскайся, о прощении молясь.

И коль невольно утеснил людей,
Воздай им тут же милостью своей.

И должен ты, как свет во тьме, светить,
Все души справедливостью пленить.

Как солнце, луч над миром простирай,
И подданным своим любовь являй!

Ту доблесть, что жила в былых царях,
Хранит один победоносный шах!

ГЛАВА XXVII

Рассказ о султани и старухе

В те дни, когда Победоносный шах
С врагами царства пребывал в боях,

Нукеров верных сотни две всего
Сопровождали шаха своего.

В сраженьях каждая его стрела
Смертельной для противников была.

Аллах возвел его на шахский трон,
Что был его отцами утвержден.

Когда в свою столицу он вступил,
Он двери справедливости открыл.

Он истребил насилие и гнет,
Украсил город от своих щедрот.

При нем исчезли ересь и разврат,
И стал опорой правды шариат.

Дабы столицу осмотреть кругом,
Султан однажды выехал верхом.

И некая старуха подошла
И крепко за полу его взяла.

«Эй, шах! — кричала, плакала она.—
Передо мною на тебе вина!

Ты справедлив. Так пусть же призовут
Тебя ответчиком на правый суд!»

А царь: «Не дрогну, жизнь тебе отдав,
Когда твой иск по шариату прав!»

И вот на суд к исламскому кази
Пришли — старуха и султан Гази.

Был весь народ смятеньем обуян,
Когда, как подсудимый, сел султан.

Они сидели, словно Заль и Сам,^[14]
Открытые земле и небесам.

Старуха начала: «Когда в боях
Сначала отступал великий шах,

В отряд, что двинулся против него,
Неволей взяли сына моего.

Он кипарисом был в саду моем,
Единственным на ниве колоском.

Но царь убил кормильца моего...
Мечом он в битве зарубил его!»

Судья ей: «Для признания вины
Мне два живых свидетеля нужны».

Старуха молвила: «Я приведу
Двух очевидцев правому суду».

А царь: «Вину свою я признаю.
Все так. Я зарубил его в бою».

Судья сказал: «Иль кровью заплати
За кровь, или потерю возмести!»

Султан ответил: «Я, без дальних слов,
По шариату жизнь отдать готов!»

Мешок динаров золотых открыл
И меч старухе плачущей вручил;

Сказал: «Казною жизнь не возместить,
И ты вольна мне голову рубить.

В бою убил я сына твоего,
Но жизнь тебе отдам за жизнь его!»

Потупила старуха скорбный взгляд,
Увидев тот прославленный булат.

В смятении, она к ногам царя
Упала, так сквозь слезы говоря:

«Мой сын против тебя пошел на бой,
Я за тебя пожертвую собой!

Меня теперь ты с миром отпусти,
Коль я виновна, мне вину прости!»

Так у всего народа на глазах
Явил святую справедливость шах.

Старуха-мать от мести отеклась,
От денег — ради чести — отеклась.

Но сам султан ей сына заменил,
Безмерно он ее обогатил.

Своим вниманьем, как небесный Заль,
Утешил, сколько мог, ее печаль.

* * *

Забудь обиды жгучие свои
Пред блеском солнца правды, Навои!

Эй, кравчий, дай мне верности фиал,
Чтоб верности цветник не отцветал!

Вина мне! Выпью радостно его
За справедливость шаха моего!

ГЛАВА XXVIII ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА

О лицемерных шейхах

Эй ты, обманщик, дармоед в хырке,
Чей крик с угла мне слышен вдалеке!

Эй, лицемер, на рубище своем
Заплаты нашивающий кругом!

Не деньги ли под множеством заплат
Ты прячешь, как в народе говорят?

По тем заплатам нитка лжи прошла,
Твоя игла — из уса духа зла.

Заплаты он кладет на небосвод,
С планетами игру свою ведет.

Зарозовеет утренний туман,
Но это утро — призрак и обман.

Пускай у шейха велика чалма,
Но под чалмой — ни света, ни ума.

Взгляни на посох шейха и скажи:
— Сей посох — столп опорный дома лжи!

А четки подобрал он из кусков
С порога у ваятеля божков.

Сосуд греха — их камень головной,
А нить — зуннара шнур волосной.

Подошвы деревянные его
Стучат, к соблазну города всего.

Но он восходит на минбар святой,
Тряся своей козлиной бородой.

Пусть он козел, не страшен он ворам.
Хоть и козел он — а ворует сам.

Козел почтенный, если мудр и стар,
Становится водителем отар.

Не так ли шейх хвастливый, как козел,
Доверчивых ведет долиной зол?

Взгляни, как зорко, сам идя вперед,
Козел стада на пастбища ведет...

А шейх, тряся козлиной бородой,
Ведет людей к геенне огневой!

Заблудших он ведет, на свет маня;
Но это отблеск адского огня.

Прибежище, где царствует разврат,
Зовется: «Храм», «Молельня», «Харабат».

Там шейх циновку стелет. Смысл ее,
По начертанью слова — «бу-риё».[\[15\]](#)

В мечети их столбы, изгиб стены —
Отвращены от южной стороны.

Из храма гебров — створы их дверей,
Михраб их — дуги женственных бровей.

Шейх этим грешным молится бровям,
Ему шайтан подсказывает сам.

И, полн доверья, слушает народ
Невежественный — все, что он поет.

А шейх сгибает спину, словно «Нун»,
Сидит в углу, как набожный Зуннун.

Средь истинных суфиев — первый он.
Его решения для них закон.

И он своей пустою болтовней
Увлечь людей умеет за собой.

Одним внушает: — В угол сядь, молись! —
Другим внушает: — В горы удались!

Он шлет на мученичество одних
И тешит небылицами других.

Умеющий обманывать народ,
Он выдумку за правду выдает.

Себя обманывает... Для него
Нет друга, кроме Хызра самого.

Он в тряпке банг упрятал; и она
От цвета банга стала зелена.

Не потому ль кричат: «Вот Хызр идет!» —
Что зеленью тряпье его цветет?

Такой он — этот шейх! Его душа
Всецело в обаянье гашиша.

В ночи, дурманом банга обуян,
Он видит под собой звезду Кейван.

И кажется ему, что он достиг
Вершин познания — и, как бог, велик.

Услышать най бродяги — все равно
Что выпить вечной истины вино.

И чем приятней песня, чем звучней,
Тем громче сам он подпевает ей.

Он топает не в лад, ревет, как слон,
Не понимая — как ничтожен он.

И, по примеру шейха своего,
Суфии кружатся вокруг него.

Несутся вихри ликов неземных
В расстроенном воображеньи их.

И все они, как их беспутный пир.
И пляска, что ни день, у них, и пир.

В самозабвенье кружатся они;
Ты их с ночною мошкаррой сравни —

В самозабвении, в глухой ночи
Кружащейся вокруг твоей свечи.

Круженье, вопли тех «мужей святых»,
Их исступленье, обмороки их

У них зовутся «поиском пути»,
Дабы «в забвенье истину найти».

Но в них пылает пламя адской лжи.
Ты с их ученьем, верный, не дружи.

Они всю ночь не устают плясать, —
Да так, что поутру не могут встать.

Но вожденье в них одно и то ж:
Привлечь к себе внимание вельмож,

Чтоб сам вазир верховный поглядел —
Насколько в «Вере» круг их преуспел,

И убедился в набожности их,
И счел бы их за подлинно святых;

И всех бы их от бедствий защитил
И щедрою рукой обогатил;

Чтоб щит страны — султан великий сам,
Молясь о них, к предвечным пал стопам,

Чтоб шейха лицемерного того
Возвысил, стал мюридом у него;

Чтоб для него казну он расточил,
Чтоб землю шейх в подарок получил.

А ты на ненасытность их взгляни,
Когда обогатятся все они.

Увидишь: суть их — низменная страсть:
Разбогатеть; а там — пускай пропасть.

Вот для чего им хитрость и обман:
Их цель — богатство, власть, высокий сан.

Так пусть о них всю правду знает свет:
Обманщиков подлее в мире нет!

Их внешность благовидна и свята,
Но души их — отхожие места.

Любой из них — пристрастий низкий раб:
Любой из них пред нечистью ослаб.

Снаружи — перья ангелов блестя,
Внутри их — дивы и бездонный ад.

Пусть веет мускусом от их рубаш,
Но в их сердцах — смятение и страх.

Динар фальшивый позлащен извне,
Но золото очистится в огне.

Ну, а для этих, правду говоря,
Огонь гееннский раздувают зря.

Никто бы вечно жить в огне не мог,
От них же сам огонь бы изнемог.

Людей различных порождает мир:
Святыня этим — кыбла, тем — Кумир.

Сожженья недостойные, они,
Не веря в жизнь, проводят жизнь одни...

Свет истины! Дорогу освети,
И мир, и жизнь, и душу возврати

Тем искренним, чей путь прямой суров,
Отрекшимся от блага двух миров,

Труждающимся, страждущим в тиши,
Чтоб не погас живой огонь души;

Тем, что в огне сожгли свою хырку
И не злоумышляли на веку;

Которым ни мечеть, ни майхана,
Ни Кааба святая не нужна!

Все ведают они! Но в их глазах
Вселенная — соломинка и прах.

Настанет день — и мироздания сень
В небытии исчезнет, словно тень.

Им эта мысль сердца не тяготит,
Живая мысль их зеркалом блестит.

В том зеркале горит желание их,
Любимой лик — и с ней слиянье их.

Той мысли земнородным не вместить,
Лишь грань той мысли в сердце может жить.

И в каждой грани — вечно молодой
Лик отражен красавицы одной.

И ты в какую грань ни бросишь взгляд,
Везде глаза волшебные глядят.

Везде глаза прекрасные того,
Кто смысл и суть живущего всего.

И ты, кто видел это, лишь один

и те, кто видел это, лишь они —
Суфии подлинные в наши дни.

Они несут свой путеводный свет,
Всем заблудившимся в долине бед.

Они, как Хызр, оставшего найдут
В пустыне и к кочевью приведут.

По зоркости вниманья своего
Они — как братья Хызра самого.

Под их дыханьем даже Хызр святой
Нам кажется зеленою травой.

Источник вечной жизни Хызр найдет
В слезах, что по ланитам их течет.

Пыль их сандалий зренье исцелит,
Их слово камень в золото превратит.

Пред гневом их бессилен небосвод
И круг планет, что род людской гнетет.

В их цветнике всегда цветет весна,
Как два листка, там солнце и луна.

Они — в пути, и пот на лицах их
Непостижимее глубин морских.

Как многозначно содержание слов
В благословенном строе их стихов!

Суфий сидит в углу — чуть виден сам,
А ходит по высоким небесам.

В иклинах мира их путей черта
От всякой ложной мудрости чиста.

На светлом том пути — ристанье их,
В делах и мыслях — состязанье их.

Их ночи жаркою мольбой полны,
Чтоб сонмы верных были спасены.

Путем пророка следуют они,
Его лишь волю ведают они.

Слезам веры путь свой орося,
Они идут — награды не прося.

Под бурей не сгибаются они,
В беде не содрогаются они.

Смиренны, без надежды на эдем,
Лишь к истине стремятся сердцем всем.

Любовь их только к истине одной.
Нет во вселенной истины иной.

О ищущий жемчужину любви,

О ней к глубинам вечным воззови!

ГЛАВА XXX ПЯТАЯ БЕСЕДА

О щедрости

ГЛАВА XXXI

Рассказ о Хатаме Тайском

Спросил Хатама некий человек:
«О славный муж, я прожил долгий век,

Но кто же равного тебе найдет,
С тех пор как ты простер ладонь щедрот!»

Ответил: «Я под сень шатров моих
Созвал однажды всех людей степных.

Чтоб изобильна трапеза была,
Барашков я зарезал без числа.

На том пиру мне душно стало вдруг.
Я вышел в степь, гостей покинув круг.

И на тропе глухой, среди песков,
Увидел старика с вязанкой дров.

Под этой тяжестью сгибался он,
Кряхтя, на посох опирался он.

Вся хижина телесная его
Шаталась от бремени того.

Так, что ни шаг, он тяжело вздыхал
И, останавливаясь, отдыхал.

Я был взволнован видом этих мук
И ласково сказал ему: «О друг,

Твой непосилен груз! Тебя язвит
Колючек ноша, как гора обид,

Ты — житель степи — видно, не слышал,
Что здесь у вас Хатам с шатрами стал,

Что он, дабы в сердцах посеять мир,
Всех, злых и добрых, звать велел на пир?

Сбрось ты колючек ношу с плеч долой!
В цветник добра, на пир идем со мной!»

Мое волненье увидел бедняк;
Он улыбнулся мне и молвил так:

«Цепями алчности окован ты,
На шее у тебя — петля тщеты.

На башню благородства никогда
Не вступишь ты — не знающий труда.

Поверь: мой тяжкий труд не тяжелей,
Чем иго благодарности твоей.

И лучше мне трудом дирхем добыть,
Чем от Хатама стадо получить!»

И не сказал в ответ я ничего,
Склонясь перед величием его».

* * *

О Навои! Будь сердцем щедр во всем, —
Да будет сам Хатам твоим рабом!

Дай чашу, кравчий, щедро нам служи,
Пример Хатаму Тая покажи!

Мы бедны. Не на что купить вино,
Тебе лишь море щедрости дано!

ГЛАВА XXXII ШЕСТАЯ БЕСЕДА

О благопристойности

ГЛАВА XXXIII

Рассказ о стыдливости Ануширвана^[16]

В дни юности своей Ануширван
Любовным был недугом обуян.

Он от любви своей изнемогал,
Но в тайне ото всех ее держал.

И, мукою великой истомлен,
Свиданья, наконец, добился он.

В дворцовом цветнике, в тени ветвей,
Он встретился с возлюбленной своей.

И руку он к любви своей простер;
Но, видя, что глядит она в упор,

Он прочь отдернул руку, устыдясь.
Она спросила: «Что с тобою, князь?

Ты руку протянул и прочь убрал?»
И так Ануширван ей отвечал:

«Не суждено мне счастье в этот час,
Огонь мой пред нарциссами погас!»

Вот так не перешла своей черты
Стыдливость юношеской чистоты.

Нарциссы глаз своих склонил в слезах,
Ушел, и от любви отрекся шах.

Иной огонь светил уму его.
И по величью духа своего

Владыкой он непобедимым стал,
Мир справедливостью завоевал.

* * *

О Навои, все души страсть влечет,
Но чистота — величия оплот.

Эй, кравчий! Скромно кубок наполняй,
Девятикратно кланяясь, подай!

Чтоб сам тебе я молвил: «Друг, испей!»
Вина уронишь каплю — не жалеи!

За каплю девять чаш я выпить рад,
Прольешь — я выпью тридцать чаш подряд.

ГЛАВА XXXIV СЕДЬМАЯ БЕСЕДА

О воздержанности

ГЛАВА XXXV

Рассказ о юношах — нетребовательном и алчном

От бедности два друга в старину
Пошли пешком из Фарса в Чин-страну.

Один смиренно гнет судьбы терпел,
Другой богатства, почестей хотел.

И вот на некий горный перевал
Взошли они. И камень им предстал

Утопленный в земле; а над землей
Он высился обтесанной плитой.

И надпись, врубленную долотом,
Увидели они на камне том:

«Кто б ни пришел когда-нибудь сюда,
Пусть, не жалея силы и труда,

Подроем камень и перевернем.
На нем он указание прочтем,

Что есть вблизи забытый харабат,
И там, среди руин, закопан клад.

А кто меня, не тронув, обойдет —
Богатство в бескорыстье обретет!»

И взволновался алчный, не тая,
Как в нем свирепа жадности змея.

Стал рыть он землю, руки в ход пошли,
Чтоб выворотить камень из земли.

А бескорыстный молвил: «Никогда
Такого я не начал бы труда!

Не лучше ли, чем душу изнурять,
Своим душевным кладом обладать?

А если бог захочет одарить,
Он может скалы в щебень сокрушить!»

Так он сказал и путь свой продолжал,
А на рассвете город увидал.

Открылись створы городских ворот,
И он вошел под их высокий свод.

Когда ж вошел в ворота, вокруг него
Стопились люди города того.

А в той стране обычай бытовал:
Когда глава державы умирал,

С утра к воротам выходил народ;
И первого, кто в город их войдет,

Они венчали золотым венцом
И над собою ставили царем.

Вот так в цари скитальца, бедняка,
Избрали горожане и войска.

А спутник, лютой жадностью объят,
Рыл землю, чтобы найти желанный клад.

И наконец, смертельно изнурен,
Ту глыбу камня выворотил он.

И прочитал: «Кто за мечтой идет
Несбыточной, тот — в бездну упадет».

Так бескорыстный странник стал царем,
Корыстный же остался бедняком.

* * *

О Навои, корысти устыдись,
Добром последним с бедным поделись.

Эй, кравчий мой! Я жаден лишь к вину,
Оно смывает алчность, как вину.

Я выпью, чтоб на жизненном пути
Престол в стране смирения обрести!

ГЛАВА XXXVI ВОСЬМАЯ БЕСЕДА

О верности

ГЛАВА XXXVII

Рассказ о двух влюбленных

Слышал я: четырех улусов хан,
Эмир Тимур, великий Гураган,

Повел войска железною рукой,
И, в Хинд войдя, жестокий принял бой.

Удачи неизменная звезда
Ему дала победу, как всегда.

А чтобы не могли враги восстать,
Велел он всех индийцев убивать.

И там он столько жизней погубил,
Что кровь убитых потекла, как Нил.

Отрубленные головы горой
Лежали над кровавою рекой.

Там не было пощады никому,
Настала смерть живущему всему.

Шел некий воин — весь окровавлен,
И двух влюбленных бедных встретил он,

Готовых вместе молча смерть принять;
Им негде скрыться, некуда бежать.

Убийца-воин обнажил свой меч,
Чтобы мужчине голову отсечь.

Но заслонила женщина его
И так молила воина того:

«Ты хочешь голову? — мою руби,
Но пощади его и не губи!»

Убийца-воин повернулся к ней,
А друг ее вскричал: «Меня убей!»

И вновь убийца двинулся к нему,
И вновь предстала женщина ему.

Тот со стальными пальцами барлас
Разгневался: «Убью обоих вас!»

Занес он меч над жертвою своей,
А женщина кричит: «Меня убей!»

Мужчина же: «Меня убей сперва,
Чтоб лишний миг она была жива!»

Так спорили они наперебой,
Под меч его склоняясь головой.

Угрюмый воин медлил. Между тем
В толпе раздался крик: «Пощада всем!»

Спешил глашатай войску возвестить,
Что царь велел убийства прекратить.

За жертвенность, быть может, тех двоих
Рок пощадил оставшихся в живых.

* * *

О Навои, и ты любви своей
Пожертвуй всем, души не пожалей!

Дай чашу, кравчий, если ты мне друг
И в чистой радости, и в море мук.

Я задыхаюсь, мне исхода нет.
Врачуй! Исполни верности обет!

ГЛАВА XXXVIII ДЕВЯТАЯ БЕСЕДА

О пламени любви

Когда прекрасный жизненный восход
Нас напоит вином своих щедрот,

Веленьем вечной мудрости дыша,
Как сад Ирема, расцветет душа.

Скажи: не сад, что насадил Ирем,
А гурий обителище — эдем.

Там птицы в яркой зелени ветвей
Рассказывают сотни повестей.

В чудесном том саду цветок любой
Сияет, блещет полною луной.

Там цвет необлетающий горит,
Как лепестки блистающих ланит.

Растет самшит вечнозеленый там,
Как стан прекрасный — юношески прям.

Там — завитки сунбула и лилей
Подобны кольцам мускусных кудрей.

А вертограда несказанный лик —
Не солнца ль ослепительный родник?

Прекрасен лик! И зной и влага в нем.
Схож подбородок с водным пузырем.

Нарциссы глаз берут сердца в полон,
Зовут уста — смеющийся бутон.

Листва в движение, как лицо, живет,
На ней роса — благоуханный пот.

Подобной красоте сравненья нет,
Предела чувству изумленья нет.

Но сквозь нее провижу я черты
Непостижимой, высшей красоты.

Весною ранней в сень родных ветвей
Из-за морей вернулся соловей:

И розу новую он увидал,
И, захлебнувшись страстью, зарыдал.

Все ярче блещет розовый цветок,
Как разгорающийся огонек.

Огонь горит в сердечной глубине,
А соловей сгорает в том огне.

Все глубже чары розы; все сильней
Печаль певца, гремящего над ней...

Когда рассвет над миром засиял,
Так соловей защелкал, засвистал,

Такой он поднял звон, и гром, и крик,
Что зашумел, проснулся весь цветник.

Когда сгоришь, поймешь ты, может быть,
Что значит быть любимым и любить.

Любовь смятенья смерч несет уму,
И чужд влюбленный существу всему.

А кудри несказанной красоты
Арканами крутыми завиты.

Живой огонь любви с пожаром схож;
Всю землю охватил его грабеж.

Огонь бушующий неукротим;
Все небо — дым и искры перед ним.

И пери с неба падают без сил,
Как мотыльки, спаливши перья крыл.

И разума чело омрачено,
Дыхание рыданием стеснено.

Из-за любви, чья власть сильнее судьбы,
Черны одежды светлой Каабы.

Вином любовным Будда опьянен,
Прекрасный лик румянцем озарен.

Лист за листом — любовь Коран сожгла,
В костер его подставку унесла;

Она святую Веру в плен ведет,
Мечеть во власть неверным отдает.

На пса напяливает тайласан,
Где шит по шелку золотом тюльпан.

Она велит: «Святой Инжил читай, [\[17\]](#)
Кумир гранитный Буддой почитай!»

Она в мечети продает вино,
В михраб молящимся несет вино.

Она огни, как розы в цветнике,
Ночами зажигает в погребке.

Сады не знают — как они цветут,
Кувшин не знает — что в него нальют.

Шипами роз душа уязвлена,
Опьянена дыханием вина.

Из-за любви пути ума темны,
Противоречий спутанных полны.

Невежество над знаньем восстает
И как безумца в даль степей зовет.

Огонь любви безумной... разум твой
Сгорает в нем соломинкой сухой.

А сердце! — как в печи плавильной, в нем
Любовь горит бушующим огнем.

Но сердце, где огонь любви возник,
Бесценно, как рубиновый рудник.

А если нет любви — зачем она,
Вселенная? Зачем и жизнь нужна?

Любовь — душа души, она чиста,
А без нее мертва и красота.

Любовь — волшебный камень. Шах времен
В невзрачную кочевницу влюблен.

Любовь — алмаз; а сердца твоего
Вместилище — шкатулка для него.

Ты сердце зодиаком назови,
Когда, как солнце, яркое свет любви...

Не солнце, а пылающий огонь,
Живой, всепожирающий огонь!

Телесный строй — надежный, словно дом,
Испепеляется ее огнем.

Страсть красота рождает. Так в ночи
Горит костер от огонька свечи.

Сколь ни желанна красотой своей
Любимая, огонь любви сильнее.

Так в горле соловья тоска звонкая,
Что превосходит силу чар цветка.

Костер дымит, но ты его разрой —
И к небу вихрь взойдется огневой...

Когда огонь великий налетит,
Не только жизнь — он целый мир спалит.

Смягчается жестокий ум тогда,
Как в горне расплавляется руда.

Аскетов сонм смятением обуян,
Как вспыхнувший от молнии саман.

Та сила так сильна, что слон пред ней,
Как под ногой слоновьей — муравей.

Кто скажет: «Я влюблен!» — не верь ему.
Не каждый верен чувству своему.

Кто ищет только внешней красоты,
Тоним тоской душевной пустоты,

В нем огонек и брезжит, может быть, —
Но на свече булат не размягчить.

В нем горя нет. Но так он лгать привык,
Что — как от горя — рвет свой воротник.

Его дела и видимость — обман;
Лицом он — ангел, а душой — шайтан.

Он — светоч верности; но посмотри —
Какую мерзость он таит внутри.

Он у любимой требует всего,
Дабы алчба насытилась его.

Великой жертвы требуя, он рад
Дождю им не заслуженных наград.

Святую плоть — благоуханней роз —
Он восхваляет — искренне, до слез.

Его письмо — изгнанию и претяст

Его письмо — украшен и цветист,
Но полон подлой ложью каждый лист.

Как фонаря волшебного стекло,
Он чист; а за стеклом — обман и зло.

Когда б подобный лжелюбленный мог
Мне встретиться — его б я вживе сжег!

Нет, истинно влюбленный — лишь такой,
Кто чист очами, речью и душой,

Сгорающий в огне сверх бытия
И, все познав, отрекшийся от «я».

Он боль скрывает, но поблекший лик
Лишь слезы омывают, как арык.

Он исхудал, как нитка, он больной;
Суставы, как узлы, на нитке той.

Он на плечах костлявых сто скорбей
Влачит — вьюков верблюжьих тяжелей.

Как в слове «даль» согнулась буква «даль»,^{[\[18\]](#)}
Согбенный болью, он плетется вдаль;

И язв не счесть на теле у него,
Как звезд не счесть у неба самого.

Его порывистый горящий вздох
Рождает в небесах переполох.

Оборванные — в тысяче заплат —
Его рубаха и его халат.

Он однолюб и славы чужд земной,
Душой стремится он к любви одной.

Он, сердцем чужд навек иных забот,
Речений праздных не произнесет.

И, в изумленье, созерцает он
Одну, чьим взглядом дух его пронзен.

Взгляни: то не слеза — рубин горит
На желтизне его худых ланит.

Куда б ни глянул — вдаль иль в высоту,—
Везде одну он видит красоту.

Любуясь блеском образа того,
Себя он забывает самого.

Лишь искренне влюбленному дано
Блаженного познания вино.

Лишь тот самозабвенно опьянен,
Кто красотой вечною пленен.

Не будь отшельником, в миру живи,

Но не гаси в себе огня любви!

Пусть в том огне душа горит всегда,
Пусть тот огонь не гаснет никогда!

Быть может, здравомыслящих собор
Ему суровый выскажет укор,

Блаженства райские начнет сулить,
Чтоб жар безумья в сердце остудить,

И вот он их послушает... А там
Пойдет черед молитвам и постам.

Начнет он раны сердца врачевать,
Обломки стрел из плоти вырывать.

И птицу тела, словно западней,
Накроет он суфийскою хыркой.

Но в том затворе истомится он,
И на свободу устремится он.

И садом, что цветеньем обуян,
На загородный выйдет он майдан.

Нарядных всадников увидит строй
За конным состязаньем иль игрой.

Увидит скачущую на коне
Красавицу, подобную весне.

Огнем вина пылает цвет ланит,
Султаном роза на чалме горит.

Сравни с пожаром эту красоту,
Или — с гранатной веткою в цвету.

Как страж индийский — родника у ней,
Глаза бездонной пропасти черней.

А брови — словно лунных два серпа;
Увидев их, теряет ум толпа.

То два убийцы — скажешь ты — сошлись.
На злое дело вместе собрались.

А над бровями родинки пятно —
Над буквой «нун» укропное зерно.

Спадают кудри черною волной,
Подобные кольчуге боевой.

А уши — тюркский воин на коне
Красуется в блистающей броне.

Глаза, где обольщение и обман,
Сжигают благочестия хирман.

И не от дыма ль огненных зениц

Черней сурьмы густая сень ресниц.

От этого огня, от этой тьмы
Вселенная одета в цвет сурьмы.

На розовых щеках сверкает пот,
Как амбровые капли вечных вод.

Сквозит пушок над верхней губой,
Как травка над рекой воды живой.

Цветастым шелком стан высокий скрыт,
Как вьющимися розами самшит.

И как струя небесного огня,
Как молния — полет ее коня.

Она сама, как солнце на коне,
Блистающее в синей вышине.

Парчовый заткнут за пояс кафтан,
Цветут шальвары, как цветок савсан.

Сверкает радугой узор платка,
А покрывало легче лепестка.

Цветок багряный на чалме горит,
Цветок тюльпана к тополию привит.

Вот чар волшебных сила, о душа!
Вот он — цветник Халила, о душа!

Творенье неба лучшее — она
Непобедимой нежностью сильна.

Суровый содрогнется человек,
Когда она вблизи стремится свой бег.

Когда проскачет конь ее, пыля,
Пред нею рухнут небо и земля.

Где, словно див, ее промчится конь,
Объемлет души ангелов огонь.

Скажи: она — убийца на коне,
Но сеет смерть не по своей вине.

Муж разума Зуннун и сам Шибли ^[19]
От красоты ее с ума сошли.

И плачет вера над безумьем их;
Печаль в пещерах, в ханаках святых.

И тот, чей дух — незыблемый утес,
Ее увидев, льет потоки слез.

Молитва, ясный разум — свет всего
Значение теряют для него.

Огонь любви невежду не страшит,
Но тот блажен, кто видит и горит.

Вся грязь уничтожается в огне,
А золото очищается в огне.

И тот счастливым будет в двух мирах,
Кому перед огнем неведом страх.

Миниатюра из рукописи XV в.
«Смятение праведных».

ГЛАВА XL ДЕСЯТАЯ БЕСЕДА

О правдивости

Тот, кто правдив, не думает о том,
Что древний свод идет кривым путем.

Ведь не помеха мчащейся стреле
Бугры и буераки на земле.

Ум направляет к цели — по прямой.
От цели отдаляет путь кривой.

Высокого познания мужам
Любезен звонкий най за то, что прям.

А чангу крутят каждый раз колки,
Чтоб струны были прямы и звонки.

Копье достойно богатырских рук;
Веревкой вяжут караванный выюк.

Свеча высоко на пиру горит,
Сердца гостей сияньем веселит.

А по кривой летая, мотылек
Попал в огонь и крылышки обжег.

Прям кипарис и к небу устремлен,
И никогда не увядает он.

А гиацинт деревья обвивал,
И почернел под осень, и увял.

Пряма на таре звонкая струна;
А лопнет — в кольца скрутится она.

Коль по линейке строки пишешь ты,
Калам не отойдет от прямоты.

А коль наставишь точки, как пришлось,
Вся рукопись пойдет и вкривь и вкось.

В сияние одетая душа —
Как ни была бы пери хороша,

Хотя б красавицы вселенной всей
Склонялись, как служанки перед ней,

Хотя б огнем ланит, венцом чела
Она весь мир испепелить могла, —

Но коль живой сердечной прямоты
В ней нет, то ею не прельстишься ты;

Она прямыми стрелами ресниц
Не поразит и не повергнет ниц.

И не привяжется душою к ней
Никто из чистых искренних людей.

Коль верные михраб не возведут,
Намазы их напрасно пропадут.

Будь благороден, пишуций! Пиши
Правдиво перед зеркалом души.

Тот прям душой, чей правду видит взор;
Рукою гибкой обладает вор.

Когда же явным станет воровство,
Палач отрежет кисть руки его.

В косых глазах, так говорит молва, —
Одно явление видится, как два.

А в вечном и едином видеть двух
Есть многобожие; запомни, друг!

Был непостижный дар всезнанья дан
Великому, чье имя Сулейман.

Царь Сулейман — владыка и пророк —
Наполнил славой Запад и Восток.

В песках, где даже коршун не живет,
Он словом воздвигал дворцовый свод;

На облаках ковер свой расстилал,
В походе ветер, как коня, седлал;

Заставил дивов, пери, свет и тьму
Повиноваться перстню своему.

Была на перстне надпись; смысл ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Живет в наш век султан, хакан времен, —
Нет, не хакан, а Сулейман времен;

Тот, чей престол вздымается в зенит,
Чьим блеском затмевается зенит.

Ему отважных преданы сердца;
Как небо в звездах — свод его дворца.

Джемшида он величием пышней,
Войсками Искандара он сильней.

Он близ Хурмуза ставит ратный стан,
Там, где когда-то правил Сулейман.

По вечной воле разума времен,
Как Сулейман, он перстнем одарен.

Тот перстень сила звезд ему дала,
Чтоб совершать великие дела.

Не лал бесценный славен в перстне том,
А надпись на окружье золотом.

Я изумился, прочитав ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Пусть этот перстень мощи не дает,
Владелец перстня мощь в себе найдет.

И каждый будет жизнь отдать счастлив
Владыке, что к народу справедлив.

Правдивость — сущность истинных людей;
Два главных свойства различимы в ней.

Вот первое: не только на словах,
Правдивым будь и в мыслях и в делах.

Второе: сожалею о мире лжи,
Но правду вслух бестрепетно скажи.

И оба свойства эти хороши,
И оба — знак величия души...

О, если б каждый лживый человек
Поменьше лгал! — Но не таков наш век...

Так мыслит в наше время целый свет,
Что слово правды хуже всяких бед!

Там, где ты ищешь правды, прямоты,
Лжи закоснелой вижу я черты.

«Страной неверных» дальний Чин зовут,
Но верность и правдивость там живут.

Хоть правда от природы всем дана,
Но всем потом не по сердцу она.

Где сердце ты правдивое найдешь
Средь изолгавшихся, чья правда — ложь?

И кто правдив сегодня — о, как он
Гоненьем и нуждою угнетен!

Взгляни на время! Видишь, как оно
В движении своем искривлено.

Как циркуль движутся пути светил,
Но циркуль тот «прямой» не начертил.

Правдивым — слава! Но у них всегда
С коловращеньем времени — вражда.

Калам писца стезей спешит прямой,
И платится за это головой.

Был прям «Алиф», но в плен его взяло
Петлею начертание «Бало».^[20]

Веревка прямо, как струна, в шатрах
Натянута; но вся она — в узлах.

По линии прямой — метеорит
Летит к земле; и, падая, горит.

Свиваясь в кольца, древняя змея
Над кладом дремлет, яд в зубах тая.

Чарует сердце новая луна,
Хоть, словно серп, она искривлена.

А сколько завитков вокруг чела
Накручивают, чтоб чалма была?

Нет, нет! Не то хотел сказать я вам, —
Видать, ошибся быстрый мой калам!

Над нами искривлен небесный свод,
Но в правде сердца истина живет.

Свеча стопает, изливая свет

Свечи горят, пылая свет,
И для свечи отрады большей нет.

А яркий росчерк молнии кривой
Блеснет — и поглощается землей.

Садовник, чьи орудья — шнур и взгляд,
Кустарник дикий превращает в сад.

Когда широкозубой бороной
Не заскородишь пашни поливной,

Напрасно будешь землю поливать,
Напрасно будешь урожая ждать.

И зеркала поверхность — чем ровней,
Тем отраженье в зеркале верней,

Тем ярче в нем сиянье красоты
И резче безобразия черты.

Так солнца диск в озерах отражен,
А кривизною зыби — искажен.

Когда ты по невежеству солжешь,
То, может быть, — не в счет такая ложь.

Но тот — неверный, не мужчина тот,
Кто делом лжи, как ремеслом, живет.

И сколько бы ни ухитрялся он,
В конце концов он будет обличен.

И если он обманет весь народ,
То все же от возмездья не уйдет.

Хоть целый век обманивай глупцов,
Но выдаст ложь себя — в конце концов.

Рассвет вещает наступленье дня,
Обманчив яркий блеск его огня.

Фальшивыми монетами платеж
Подсуден. Что же не подсудна ложь?

Ты в злобе клялся ложно, может быть,
Но ложь свою ты можешь испустить.

Тому, кто средь людей слывет лжецом,
Народ не верит никогда, ни в чем.

И если правду будет говорить,
Он никого не сможет убедить.

Обманщик он! — трубит о нем молва,
Ему не верьте! Ложь — его слова!

В народе имя доброе навек
Утратит, изолгавшись, человек.

Коль правда весь народ не убедит,

Ложь эту поросль правды заглушит.

Когда не можешь правды ты сказать —
Молчи, терпи и жди, но бойся лгать.

ГЛАВА XLI

Рассказ о птице — лгуне-тураче

Жил у подножья гор, в лесу большом
Могучий лев, с небесным схожий львом.

Но, не страшась в округе никого,
Боялся он за львенка своего.

Все муравейники он разорил,
Чтоб муравей дитя не укусил.

Испытывая постоянный страх,
Таскал повсюду львенка он в зубах.

Жил там один турач, гласит молва;
Он пуще коршуна боялся льва.

Лев проходил, детеныша держа.
Турач, от страха смертного дрожа,

Вдруг перед носом льва взлетал, крича.
А лев пугался крика турача.

На миг сильнее он челюсти сжимал,
Чтобы в беду детеныш не попал;

И сам, не рассчитавши страшных сил,
Невольно львенку раны наносил.

От этого душой терзался лев,
Вернее — просто убивался лев.

И чтоб конец несчастью положить,
Он с этим турачом решил дружить.

Сказал: «Не причиню тебе вреда!
Так поклянемся в дружбе навсегда.

Ты всякий страх забудь передо мной,
Сиди себе в своих кустах и пой.

Я здесь среди зверей слыву царем,
А ты придворным будь моим певцом.

Мне убивать тебя корысти нет,
Сам знаешь — бык мне нужен на обед.

Враги твои — охотники одни;
И ты остерегайся западни.

Но если в сеть ловца ты попадешь —
То знай: во мне спасителя найдешь.

Твой крик услышав, я примчусь бегом
И вмиг с твоим разделаюсь врагом.

Вот этой страшной лапою моей
Спасу тебя от вражеских сетей!»

Так лев могучий мягко говорил,
Что сердце турача обворожил.

Вот лев и птица в дружбе поклялись
И впрямь, как братья кровные, сошлись.

Где лев свирепый в полдень отдыхал,
Туда турач без страха прилетал.

И даже, шла о нем в лесу молва,
Садился смело он на гриву льва,

Как птица легендарная Анка
На гребень царственного шишака.

Порой — «На помощь!» — в шутку он кричал;
За это лев сердился и ворчал:

«Эй, друг, не лги, со мною не шути!
Ложь до добра не может довести».

Но турачу понравилась игра.
«На помощь!» — он в кустах кричал с утра,

А лев устал его увещевать,
Не стал на крик вниманья обращать.

Так жил шутник до рокового дня,
Когда его поймала западня.

Беспечно начал он зерно клевать
И в сеть попал, а сеть не разорвать.

Он закричал: «На помощь, — друг, скорей!
Один я тут не вырвусь из сетей!»

Спросонья лев подумал: «Снова крик...
Какой обманщик! Экий озорник!

Сто раз напрасно он меня пугал,
Сто раз его спасать я прибегал.

Сто раз обман устроивши такой,
Он только потешался надо мной!..»

О помощи не докричался лжец —
Попал в беду, настал ему конец.

Тому, кто никогда нигде не лжет,
Без спора верит на слово народ.

Будь, Навои, прямым в своих речах,
Будь искренним в напевах и стихах!

О кравчий, дай отрадный мне фиал,
Чтоб выпил я — и льву подобен стал!

Пускай пирушку озарит свеча!
Пускай дадут кебаб из турача!

ГЛАВА XLII ОДИННАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О возвышенности звезд на небе знаний

ГЛАВА XLIII

Рассказ о встрече имама Фахра Рази и султана Мухаммада Хорезм-шаха в бане

Познания взыскующих притин,
Имам всех верных в мире Фахраддин

В Хорезме свой шатер установил,
Но Хорезм-шах его не посетил;

Мол — как живешь? Не надо ли чего?
И Фахраддин не посетил его.

Шах устыдился, встречи стал искать,
Имам не захотел его принять.

И не могли их люди помирить,
Завесу отчужденья приоткрыть.

Имам великий в баню раз пошел;
Шах в ту же баню в тот же час пошел.

И там — в пару, в горячих облаках,
Ученого спросил хорезмский шах:

«О мудрый муж — прославленный везде,
Скажи — что нас на Страшном ждет суде?»

Кому, какие муки суждены
Там — на путях загробной стороны?»

Уместно — в бане — задал шах вопрос.
И так имам ответно произнес:

«Ты знать хотел, что там — за гранью тьмы?
Так знай: все там, как в бане, будем мы.

Там нищий и султан, во всем равны,
Предстанут пред судом — обнажены.

Ты голым в баню Страшного суда
Войдешь, венец оставив навсегда.

А я на грань судилища того
Вступлю в сиянье знания своего.

Ты здесь могуч и самовластен был,
Ты будущего сам себя лишил!»

* * *

О Навои, познанием живи,
В деяньях знание осуществи!

Эй, кравчий, дай вина познания нам,
Чтобы молитву позабыл имам!

А пьющим то вино — как дольний прах
И золотой Хорезм, и Хорезм-шах!

ГЛАВА XLIV ДВЕНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О людях Калама

ГЛАВА XLV

О том, как возвеличился Якут благодаря своему прекрасному почерку, высокому искусству калама и кисти

На ветке сада бренности живой
Был в Сухраварде славен шейх святой.

Он дива вожделений истребил,
В зените истины кометой был.

Раз во дворец халифа шейх пришел,
Как милость вечного в долину зол.

И как Хиджас пред Меккой, перед ним
Державный преклонился Мутасим.^{[\[21\]](#)}

На трон пришельца усадил халиф
И рядом сел, беседой с ним счастлив.

Ларец один, в нем — пара жемчугов,
Как две звезды в созвездье Близнецов.

Шейх говорил, что путь наш — тарикат.
Халиф ему внимал, потупя взгляд.

И слушали, дыханье затая,
Придворные, царевицы, князья.

Окинул взглядом шейх огромный зал
И вдруг — в толпе Якута увидал.

И он, стремительно покинув трон,
Якуту отдал поясной поклон.

Халиф сказал: «Посмею ли спросить,
Я сам тебе по-рабски рад служить;

За что же честь ему! Кто он такой,
Что ты пред ним склонился головой?»

Ответил шейх: «Он, средь людей дворца,
Единственный — по милости творца.

Ты сам отличья выше дать не мог
Той степени, что дал ему сам бог!

Искусством переписывать Коран
Он славится до отдаленных стран.

И с ним никто в искусстве не сравним,
Вот почему склонился я пред ним».

Халиф был несказанно изумлен,
Якута скромного возвысил он.

С тех пор в покоях царского дворца
Он занял место главного писца.

* * *

О Навои, перечеркни слова,
В которых нет дыхания божества!

Друг, яхонтовым нас пои вином,
Покамест до Багдада не дойдем!

Чтобы опорой сильной я владел,
Чтоб камень желтый яхонтом зардел!

ГЛАВА XLVI ТРИНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О тех, кто приносит пользу людям

ГЛАВА XLVII

Рассказ о том, как Айюб указал дорогу вору

ГЛАВА XLVIII ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

Жалоба о построении судьбы

ГЛАВА XLIX

Рассказ о том, как Искандар завоевал весь мир

ГЛАВА L

ПЯТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О пьянстве

О ты, что в радость плотскую влюблен,
Невежества вином ты упоен.

Ты бражничаешь, дух живой губя,
Разгул и днем и ночью у тебя.

В твоём нутре всегда кипит вино;
Не ты кричишь — в тебе кричит вино.

Как хум, гордынею вскипаешь ты,
Что ты ничтожен — забываешь ты.

Ты говоришь, но речь твоя гнусна;
Как пена, на губах твоих слюна.

Ты позабыл о жизненном вине,
Ты позабыл и о последнем дне.

Когда неумолимый Азраил
Придет — что скажешь ты, лишенный сил!

Об камень бы тебя, как хум, разбить,
В осколки мелкие бы раскрошить!

Разбить бы вдребезги тебя давно
И по земле разлить твоё вино!

Чтоб кровь твоя во тьму земных глубин
Ушла и превратилась там в рубин.

Ты пьешь вино, едва блеснет рассвет;
Но близок час: за все ты дашь ответ.

Идут года... Беспутства устрашишь,
От своего безумья отрекись!

Изверженный из общества людей,
Посмешище ты уличных детей.

Как только пьяный выйдет из ворот,
В него килает грязью всякий сброд.

.....

Покамест держит пиалу рука,
Он пьет. А выбравшись из кабака,

О притолку ударясь головой,
Он падает — с распутанной чалмой.

И, в лужу грязи окуная пос,
Он на прохожих лает, словно пес.

Хоть кажется ему, что все пустяк,
Но в нем слабеют мышцы и костяк.

Тропу домой никак он не найдет;
Он хочет пить и грязь из лужи пьет.

Ограду увидав, ломает он;
Обломками в людей бросает он.

Толпа детей швыряет вслед ему
Камнями, волоча его чалму.

Он поминутно падает, потом
Из грязи подымается с трудом.

И снова падает, и вновь встает,
Пройдет два шага, снова упадет.

Лежит в грязи, не помня ничего;
И лижут псы блевотину его.

Проспавшись, в час рассветной тишины
Он вновь стучится в двери майханы.

Найти чалму не в состоянье он.
Он был с деньгами — денег он лишен,

Его богато вышитый халат,
Как саван с мертвеца, ворами снят.

Кинжал его украли дорогой.
В одной он туфле. Туфли, нет другой.

.....

подол его рюахи и шганы
Разорваны, и мокры, и грязны.

Шатаясь, он по улице бредет
И вновь домой дороги не найдет.

Всем телом от озноба он дрожит.
Его тошнит, и все ему мерзит.

По переулкам пыльным бродит он,
Своей калитки не находит он.

Все, что не взяли воры у него,
Ночная стража оберет с него.

Ночная стража всюду такова,
Худая про нее у нас молва.

Давно ль он был богат, красив, хорош?
Но посмотри — на что теперь похож!

Весь в ссадинах, в грязи и синяках,
Он бродит, наводя на встречных страх.

Бредет, горя от жажды, изнурен,
Из-за беспутства радости лишен.

Нет на душе веселья у него,
Мучительно похмелье у него.

Как могут люди так себя забыть?
Как могут люди так себя губить?

Причин безумья знать мне не дано.
Безумцы есть; но ясно мне одно, —

Что всякий сей пригубливатель чар
Ответит — я, мол, рэнд и каландар.

Но этот рэнд о совести забыл,
Ее в постыдном пьянстве истребил.

Что нам о строчкогоне надлежит
Сказать, коль он себя бессмертным чтит?

Палач, что без убийств не может жить,
И собственных детей готов убить.

На розы не глядит навозный жук,
Когда помета множество вокруг.

Но углежоги — лицами черны,
А нет на них за черноту вины.

Сова угрюма, но среди руин
Ей кажется, что и она — павлин.

От пьянства — гибель тела и ума,
Так сель ломает стены и дома.

Ужасно буйство ливневой воды;
Спасенье в бегстве от такой беды.

С разливом бедственным сравню вино,
Мужей могучих валит с ног оно.

Живое тело — это дом души,
Храм — где бессмертный свет горит в тиши.

Все сокрушает ливневый поток,
Ломает и лачугу и чертог.

А пьянство неумеренное — тьма,
Гасящая бессмертный свет ума.

Коль на свечу хоть капля попадет,
Дрожащий огонек свечи умрет.

Но диво — винопийца день за днем
Привык свой светоч заливать вином.

Не только жар в мангале потушить,
Способен ливень и маяк залить.

Плеснув воды на тлеющий сандал,
Ты видишь — жаркий уголь черным стал.

Кто веселить себя привык вином,

В мрак погружает свой духовный дом.

Скажи: вино — огонь, что создал бес,
И может сжечь посев семи небес.

О смертный, ты на плоть свою взгляни,
С сухой соломою ее сравни!

Страшись, не затевай с огнем игру,
Иль кучей пепла станешь на ветру.

Вино, огонь родящее в крови,
Огнем геенны адской назови.

Прозрачно, чисто, как вода, вино,
Коварным обольщением полно.

Оно играет искристо, маня
Пленительным сиянием огня.

Четыре свойства у огня того;
Печальна участь пленника его.

Четыре элемента существа
На том огне сгорают, как трава.

Сгорают тело, чувство, разум сам,
Сгорают честь, и вера, и ислам.

Того огня ничем не потушить
И никакой водою не залить.

Ведь ливнями шумящий небосвод
Им порожденных молний не зальет.

Вот так же бурный дождь апрельских гроз
Не может погасить сиянья роз.

Но в том светильник жизни не зачах,
Кто искренне раскается в слезах,

И только эти слезы, может быть,
Способны пламя ада потушить.

Слеза мольбы на желтизне щеки
ильней потока яростной реки.

Кто плачет, полон веры и любви,
Слезу его жемчужиной зови.

У плачущих в раскаянье людей
Слеза любая жемчуга ценней.

Кто кается на людях, тем не верь:
Прощения для них закрыта дверь.

Неискренен в раскаянии тот,
Кто руку на святой Коран кладет.

Не верь ни воплям, ни потоку слез
Того, кто кается, страшась угроз.

Кто предан истине всем существом,
Не волен тот в раскаянье своем.

В душе всегда хранит он божий страх
На трудных испытаниях путях.

Пусть — по незнанию — он в грехе живет,
Раскаянье само к нему придет.

Несовершенство чувствуя свое,
Он плачет, истребляя бытие.

И, грозный счет ведя делам своим,
Рыдает он — отчаяньем томим,

Но, милостью небесной огражден,
Как золото из тигля, выйдет он.

Свет красоты бессмертной возлюбя,
Откажется от самого себя.

И он в своем раскаянье найдет
Неисчерпаемый источник щедрот.

Сам человек — что может сделать он,
Коль силой свыше не олачен?

Коль светом внешнего не одарен.

Без помощи таинственной ее —
Увы — ничто раскаянье твое.

Под вечным светом очищай себя!
От вечной тьмы оберегай себя.

Молись, чтоб совести твоей скала
Всегда несокрушимою была.

Ведь совершенный сердцем человек —
Гора неколебимая вовек.

Друг! Не своим желанием живи,
А волею божественной любви.

ГЛАВА LII ШЕСТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

Об алчных себялюбцах

ГЛАВА LIV СЕМНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О временах года и возрастах жизни людей

Когда апрель прекрасный наступил
И миру всю любовь свою явил,

Нам ветерок с нагорий и лугов
Принес благоухание цветов.

Он ветви гибкие плакучих ив
Шуметь заставил, до земли склонив.

Им подмести велел он пыль с земли,
А тучки землю поливать пришли.

Вот молнии сверкающий аркан
Весь облачный перепоясал стан.

Гром оттремел, весенний дождь прошел,
Рейхан благоухающий расцвел.

В саду, обильно политом, возник
Из черной почвы синий базилик.

И этот цвет полмира охватил,
Как сферу синюю цветник светил.

Росток рейхана, ростом как дитя,
Смеется, юной красотой блестя.

Весна, свое являя колдовство,
Готовит благовонье из него.

Покрылось поле травяным ковром,
Цветы рейхана — гурии на нем.

Раскрылись розы в свежести ночной,
Роса их льется розовой водой.

И дремлет, в сновиденья погружен,
Младенец — нераскрывшийся бутон.

Тюльпан в степи так весело плясал,
Что ветер шапку у него сорвал.

Цветы, как дети, вокруг зеркальных вод
В саду образовали хоровод.

И в пляске круговой они идут
И песенку «Гульходжа-Гуль» поют.^[22]

И так же все похожи на детей
Травинки, обступившие ручей.

Как звезды на высоких небесах,
Цветы красуются на деревьях.

И все живущие изумлены
Величием цветения весны.

Как будто не ряды деревьев цветут,
А хороводы девушек идут,

Чтоб красоту их видели поля,
И горы, и холмы, и вся земля.

Дни эти — пир, и блеск, и торжество
В полях, в садах — цветущего всего.

Но несколько ночей и дней пройдет,
Наступит новый времени черед.

Когда возникнут завязи плодов,
Осыплет ветер лепестки цветов.

Зазеленеет на ветвях листва,
Заплещет, как стоустая молва.

Знамена бело-красные падут,
Зеленые знамена расцветут.

Шелка цветные сбрасывая, сад
В зеленый облачается халат;

Взамен жемчужин — изумруд блеснит,
А вместо красных лалов — хризолит.

Цвет яблонь в стекловидных лепестках
Покрылся ржавчиной на всех ветвях.

И вот сквозной листвою блистает сад,
Как Хызр, надев зеленый свой халат.

Темнее ночь в тени его густой,
Его роса — родник воды живой.

Как молодая пери, скажешь ты,
Сад полон неги, томной красоты.

В зеленый шелк одеты все сады;
На шелке, вместо пуговиц, плоды.

Деревья — в пуговицах золотых,
В жемчужинах, в рубинах дорогих.

Плоды айвы, как золото, горят,
А яблоки — как жемчуг и гранат.

Инжир благоухает, словно мед,
И груши налились прозрачней сот.

Под кровлей виноградной, в знойный день,
Где зреют гроздья, — сладостная тень.

Я этот сад, что полн творящих сил,
С великим бы художником сравнил.

Он словно рай, блистающий в тиши,
Он словно жизнь разумная души.

Когда плоды садовник соберет,
Сад станет как беззвездный небосвод.

Торчат нагие ветви без плодов;
Он как жемчужница без жемчугов.

Прекрасный сад разграблен до конца,
Нет у него жемчужин для венца.

Усиьем созданные жизни всей —
Плоды надежд оборваны с ветвей.

А ветви без плодов ты назови
Людьми, в чьем сердце нет живой любви.

Грусть каждой обнаженной ветви той
Сравнима лишь с душевной пустотой.

Мне кажется — болеют деревья:
Желтеет и чернеет их листва.

Желтея в муках, как меджнун больной,
Листву роняет ветка над водой.

Она согнулась, словно буква «даль»,
От безнадежности ее печаль.

С плакучих ив, как ливень медных стрел,
Под ветром вихорь листьев полетел.

Листья сама покинуты, не могла

Листья сама пожелкнуть не могла,
Ее печаль огнем своим сожгла.

Спалил листву, как пламя, листопад,
И только сучья черные торчат.

Листики последние — клочки парчи —
Декабрьский ветер оборвет в ночи.

Печален сад безлиственный, нагой...
Земля покрыта тлеющей листвой.

В долинах, защищенных гранью гор,
Кой-где желтеет лиственный убор.

Но и туда дыханье января
Доходит, разорение творя.

Стоят ряды деревьев, — о тоска! —
Как черные индийские войска.

Стоят деревья голы и черны,
Как толпы пленников обнажены.

Они скрипят и стонут на ветру
И, леденя, стынут поутру.

А листья, если в ворох их сгребут,
Лишь на костер для сторожа пойдут.

В ад превратился светлый райский сад;
Ад с ним в сравненье — райский вертоград.

Мне наших дней весна и листопад
Напоминают чем-то этот сад.

Ведь каждый человек, едва рожден,
Как бы сияньем утра озарен.

Сперва он, словно свежий куст в росту,
Где розы раскрываются в цвету,

Где лепестки, покрытые росой,
Бессмысленно полны сами собой.

О, как они милы! У них — с утра
До вечера — еда, питье, игра.

И вот он понемногу, день за днем,
Становится разумным существом.

Как свежий к солнцу тянется побег,
Так тянется, растет и человек.

И розы — девы лик сквозь тонкий дым,
Как солнце, возникает перед ним.

Нарциссы томные — ее глаза,
Так нежны, так скромны, но в них — гроза.

Ресницы — стрелы длинные у ней,

Туранский лук — изгиб ее бровей.

А взгляд — колдует, усыпляет он;
Верней — от глаз влюбленных гонит сон.

Ее ланиты — алым лепесткам
Подобные — способны сжечь ислам.

Она вино пригубит на пиру
И разум твой развеет на ветру.

Вино пылает на ее щеках,
Пот выступает на ее висках.

Где в мире жарче пламя, чем у ней,
Что от воды горит еще сильнее?

Ее губа, пушком отенена,
И умерщвлять и оживлять вольна.

Так молодость блеснет и отцветет...
И понемногу зрелость настаёт.

Осыплет время лепестки цветов,
Наступит созревание плодов.

Отступит горьких заблуждений тьма
Перед лучом бессмертного ума.

Хирман невежества, где мрак и стыд,
Разумный знанием испепелит.

Как древо плодоносное, свой век
Разумный украшает человек!

Коль знаниями овладеет он,
Безумье мира одолеет он.

Один всю жизнь исследует Коран,
Хоть он непостижим, как океан.

Другой ютится в келье, в медресе,
Чтоб воедино свести хадисы все.

Что слава? Что награда за труды,
Когда с ветвей осыплются плоды?

Когда печали ураган дохнет
И стан твой, словно дерево, согнет.

И все твои желанья отгорят
И, словно листья с пальмы, облетят;

Услышишь ты беспечный смех детей
Над желтизной и дряхлостью твоей...

В прищуре век светильники очей
Завесишь ты завесами бровей.

Глаза от света яркого болят,
А брови — как скрепка, закрывают

А орови их, как сторожа, хранят.

От света слепнувшие и от слез,
Глаза тусклы, как медный купорос.

А если в полдень пред глазами ночь,
Стеклянными очками не помочь.

О посох старца! О согбенный стан!
Вы — ось Зенита и Меридиан!

Ларец жемчужный рта — без жемчугов;
Десна, как буква «син», но без зубцов.^[23]

Рассыпаны все четки — до зерна,
Зубцов своих твердыня лишена.

Зато хребет являет становой
Все позвонки — дугою костяной.

Все угасает. Словно саван, бел,
На теле темный волос поседел.

Стан, словно «даль», днями отягощен,
Земле прощальный отдает поклон.

В глубокой безнадежности тогда
Последних дней проходит череда,

Пока посланец смерти не придет
Освободить страдальца от забот.

И кто бы в этот мир ни приходил,
В свой срок из чаши сей глоток испил!

Душа, пригубив смертного вина,
Путем небытия уйдет — хмельна,

Забыв себя и мир земных страстей...
А где блуждает? — Нет о ней вестей.

Из чаши смерти всяк хлебнет в свой час,
И эта чаша не минует нас.

Что слезы перед гибельной чертой
О жизни, бесполезно прожитой?

Весь долгий день я спал, пока я жил...
Очнулся, вижу — вечер наступил;

Забыл свой труд; не помышлял о том,
Что поздно будет каяться потом.

Без пользы я растратил жизнь свою;
Не будет пользы, коль себя убью.

Живя беспутно, что я совершил?
Опомнился, но время упустил.

Остался краткий срок, а путь далек...
Все тяжело мне, как тягостный упрек.

Коль за грехи мои прощенья нет,
Что ждет меня? Увы! Спасенья нет!

Наш век на части разделен судьбой,
Все эти степени пройдет любой.

До десяти он в игры погружен,
До двадцати он миром опьянен.

У всех до тридцати, до сорока
Жизнь — это наслаждения река.

Всем в мире наслаждение дано;
И это было мне не суждено.

Коль к полувеку муж не умудрен,
То в шестьдесят пойдет он под уклон.

Достойный, ты и в семьдесят ходи,
А в восемьдесят у огня сиди.

Мудрец, и в девяносто ясен будь;
А во сто — собирайся в дальний путь.

Когда животной жизнью человек
Живет, он без следа пройдет свой век.

Ты жизни не желай себе такой,
Коль нет защиты неба над тобой!

Уйди от жизни низменных людей,
Она — не жизнь, но гибели страшней...

ГЛАВА LVI ВОСЕМНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О ценности жизни

Для духа мир — узилище, но он
Рай для невежды, что в него влюблен.

Не унижай величья своего,
Не пей, мой дух, из кладезя его!

Коль мира этого круговорот
В свой срок рабом в подземный град сойдет,

Зачем о нем печалиться, скорбя,
И — прежде смерти — убивать себя?

Зачем при жизни траур надевать?
Умрешь — тебя успеют обрыдать.

В душе твоей печаль; ты не страдай,
Свою печаль стократ не умножай!

Заботами свой век не сокращай,
Одну заботу, две не променяй

Одну заботу в две не превращай,

Но от своей печали отдохни,
Усталость, скуку, горечь отгони!

Пускай судьбы гоненье велико,
Старайся пережить его легко.

Как ни громаден труд, но победит
Тот, кто на этот труд легко глядит.

Пусть Шам цветет, красуется Герат,
Когда они души не тяготят.

И стоит ли печалиться о них
Нам — странникам на сих путях земных?

Сад этой жизни верности лишен,
В нем лучший цвет на гибель обречен.

И если этот сад от бурь и гроз
Укрыть своих не может лучших роз,

Там не ищи успокоенья ты,
Где благовонья лишены цветы.

Что совершится, то навек уйдет.
Кто прошлое догонит? Кто вернет?

Что можешь ты о будущем сказать?
Как можешь ты судьбу предугадать?

Не властен управлять грядущим днем
Живущий во мгновении одном.

В мгновенье каждом, это помни ты,
Грядущее и прошлое слиты.

Что ты скорбишь над бездной бытия,
Когда одно мгновенье — жизнь твоя?

Ты милосерден, ты — родник любви,
Не мучься, милость сам себе яви.

Тебе одно мгновенье здесь дано, —
Так пусть же будет счастливым оно.

Твое дыханье — жемчуг дорогой,
Прозрачный жемчуг — друг надежный твой.

Ты в четках чередуй рубины дней
С жемчужинами радости своей.

Равняю жемчуг духа твоего
С жемчужиною солнца самого.

Сияет всем светило бытия;
Но в глубине — жемчужина твоя.

Восходит солнце, падает во тьму...
Но внемлет мир дыханью твоему.

Способно солнце полдня все спалить,
А без дыхания мир не может жить.

В дыхание сущность жизни всей живой;
Так назови его «живой водой».

Дыханье, дух!... От бездны до звезды
Источник вечный в нем живой воды.

Дыханье сил творящих, суть всего, —
В твоём живом дыханье дух его.

О дуновение, что миры творит,
Сосуд из глины разумом дарит!

В дыхании Исы увидишь ты
Ступень к познанию вечной красоты.

Живущее погружено во тьму,
Но духом вечным жизнь дана ему.

Вокруг тебя — без края и конца —
Как океан, струится дух творца.

Могучим будешь, коль познаешь ты,
Каким богатством обладаешь ты!

Все — от него: бессмертье бытия,
И каждый шаг, и вздох, и жизнь твоя.

А жизнь твоя — дыхания длина,
Но сотнями скорбей омрачена.

Ты унижаешь высший дар ее,
Виной тому — неведение твое.

Ничтожны мысли в голове твоей,
Ничтожен смысл пустых твоих речей.

Подумай о сокровище своем,
Не будь живой душе своей врагом!

Не унижай величия своего,
Но устыдись хоть бога самого.

Воспрянь из тьмы и праха, сын земли,
И назиданью мудрости внемли.

Тот, кто всему дыхание дает,
Тебя осыпал множеством щедрот.

Ты призван быть не зверем, не ростком,
Не камнем — а разумным существом.

Сознания чистый свет в тебе горит,
Путь правой веры пред тобой открыт.

Пять чувств тебе даны, чтоб осязать,
И видеть, и внимать, и обонять;

И руки, и запас телесных сил,
И ноги — чтобы прямо ты ходил.

Ты различаешь вкус различных блюд,
Но помни: милость вечного и тут.

Дары творца несметны... Пусть же вам
О них напомним вкратце мой калам.

Так много у тебя одежд цветных,
Что ум не может перечислить их.

Твой конь, твой мул, твой верховой верблюд
Тебя в любую даль перенесут.

Твои сады полны живых щедрот,
В садах бегут потоки светлых вод.

В садах кумиры дивной красоты,
Как гурии небесной высоты.

До звезд айваны твоего дворца.
Возносятся — по милости творца.

Пусть счета нет богатству твоему,
Но знай — за все обязан ты ему.

Дороже всех богатств, тебе дана
Бесценная жемчужина одна:

И это — разум. Не сравнятся с ним
Рубинам и алмазам дорогим.

В жемчужнице земного бытия
Заключена жемчужина твоя.

В ней — дар познания тайн и высоты,
Вот чем при жизни удостоен ты!

Аллах, когда свой перл тебе вручал,
Тебя короной щедрости венчал.

Благодари его за дар любой
И ведай: благодарным — дар двойной.

За хлеб насущный, за питье и снедь
Молитвой благодарности ответь.

И да не будет до скончания дней
Предела благодарности твоей.

На сущность жизни взор свой устремим,
О духе бытия поговорим.

Вот чудо силы зиждущей, живой —
Твой каждый вдох и каждый выдох твой.

Вдох новой силой наполняет грудь,
А выдох — в нем существования суть.

Тебе дана двойная благодать —
Всей грудью вольным воздухом дышать.

Дыханьем жив светильник бытия.
Благодари! Дыханье — жизнь твоя!

Дыханье, дух живой! — Его почтил
Творец всего, владыка вечных сил.

Ты помни с благодарностью о том,
Что почитаемо самим творцом!

Ведь мыслишь ясно, видишь, слышишь ты
И чувствуешь — покамест дышишь ты.

Сознание да сопутствует ему —
Дыханию святому твоему.

Ты душу будь всегда отдать готов
Тому, кто твой защитник, друг и кров.

Страшись о верности забыть своей,
Нет сердцу испытанья тяжелей.

В рассеянье, в самозабвенье ты
Чем занят в этом вихре суеты?

В твоих делах аллаху пользы нет...
Смотри, чтоб не возникли грех и вред.

Пускай твои заботы и дела —
Впустую, но не делай людям зла!

Противоядие тебе претит,
Зачем же ядом кубок твой налит?

Счастлив, коль друга ты сумел найти, —
Ему вниманье сердца посвяти.

Но утрашись насилье совершить,
Страшись жестокость к людям проявить!

Уж лучше пир веселый в майхане,
Чем стон и слезы по твоей вине.

Не тронь ничью казну, ничью семью
И чти чужую честь, как честь свою.

Друзей и собеседников найди,
От гнета горя жизнь освободи.

Увидя чудо розы молодой,
В саду беседу избранных устрой.

С любезностью, с изысканностью всей,
Присущей мудрым, созови друзей.

Чтоб с их приходом, радостна, светла,
Как сад весенний, жизнь твоя цвела.

п ----- - - - - - - - - - - - - - - -

в лачуге ль темной, в роскоши ль палат
Будь щедрым, беден ты или богат.

Ни серебра для истинных друзей
И ни души своей не пожалей.

Возрадуется пусть душа твоя,
Когда вокруг тебя твои друзья.

Здесь на разлуку все обречены.
Как меч кривой, сверкает серп луны.

Счастливцев на земле любовь обрел,
Воздвиг беспечной радости престол;

Но, выкованный небом, меч кривой
Обрубит ветви радости живой.

Он неразрывных сердцем разлучит,
Как вихрь закрутит, в стороны умчит.

Таков в своих деяньях небосвод,
Таков его ужасный обиход.

О, если б от грозы его спаслись
Прекрасный ирис, стройный кипарис.

Как гости, все они в саду земном,
Как братья, все они в кругу своем.

О, если б сердце в мире повстречать,
Способное на дружбу отвечать!

Стремящийся к возлюбленной своей
Да будет осчастливлен встречей с ней.

Когда душой с любимой будет слит,
Пусть он меня в тот миг благословит.

Достигший здесь желанного всего,
Пускай на лоне счастья своего

Благодаренье поспешит изречь,
Чтоб счастья цвет от бедствий уберечь.

Пусть вечно благодарным будет он
За благодать, которой наделен.

И пусть создатель сущего всего
Продлит и осчастливит жизнь его!

ГЛАВА LVIII

Рассказ о красавице Чина

Изображал художник не один
Красавицу, прославившую Чин.

Как передам я эту красоту?

Ее лицо — страна Хотан в цвету.

Лицо светилось, говорят, у ней
Под сенью темной мускусных кудрей.

Она такие сети чар плела,
Что даже сердце хана в плен взяла.

Чин потрясен был этой красотой,
Шатался вечной истины устой.

Ее изображенья обошли
Весь мир, околдовав людей земли.

Все люди — ближней, дальней ли страны
О ней лишь были мыслями полны.

Однажды эта дева на майдан
Собралась ехать — поиграть в човган.

Хан в этот день не мог поехать с ней,
Но дал в охрану избранных людей.

Дабы ее не оскорбил ни взгляд,
Ни слово, сказанное невпопад.

Он этой страже приказал хватать
Всех, кто хоть слово смел о ней сказать.

А стража, чем усердней, тем лютей;
Хватали в день по несколько людей.

Они погибли в муках и крови...
Но был один — непоколебим в любви.

Он жаждал встречи с ней, изнемогал;
Пил не вино, а кровь свою глотал.

Отчаяния хмель его увлек —
И чудом он проник в ее чертог.

В ее опочивальню он попал,
Но, сердцем слаб, в беспамятстве упал.

Тут стража зоркая его нашла,
Скрутила руки, к хану привела.

Всех, кто посмел хоть сердцем полюбить
Красавицу, — хан повелел убить.

Сказал: «На стройке крепости моей
Кладите их меж глыбами камней.

Пусть головы их из стены торчат
И дерзких, непокорных устрашат.

Да видит их мученья весь народ
И помнит пусть — кто дерзок, тот умрет».

И стали слуги хана в тот же час
Осуществлять чужовишный приказ...

Закат померк. И ветерок ночной
Рассеял черный мускус над землей.

Хан собирался в степь, но вздумал вдруг
Взглянуть, как новых стен возводят круг.

В его крови — огонь вина любви,
С ним свита — звери, чьи мечи в крови.

При свете факелов увидел он
Постройку стен, услышал крик и стон.

Услышал скрип навоя, гул труда.
Сошел с коня и сам пошел туда.

На стонущих он посмотреть решил,
Которых сам на гибель осудил.

Увидеть — стойки ли в любви своей
Они, несчастнейшие из людей.

Вопили, плача, каялись они,
Предсмертной мукой маялись они.

Средь них один лишь благородный был,
Тот, кто любви всю душу посвятил.

Измученный он на земле лежал,
Не плача, смертной очереди ждал.

Нет, видя близость страшного конца,
Он горячо благодарил творца.

«Господь! Пока я жив, дышу пока,
Во мне жива любовь, мне смерть легка!»

Пред смертью, за великий дар — любить —
Он продолжал творца благодарить.

«Любимая моя!» — он повторял
И плакал, ослабев, и замирал.

Увидевши его, жестокий хан
Был состраданыя бурей обуян.

Его от казни он освободил,
С возлюбленной его соединил.

Он горести любви душой постиг,
Стал справедлив и подлинно велик.

* * *

О Навои, благослови того,
Чей дух — основа духа твоего!

Мой кравчий, жар души не утолен,
В красавицу из Чина я влюблен!

В красавицу из Китая я влюблен.

Дай чашу Чина — жажду утолить!
Я сам, как люди Чина, стану пить!

ГЛАВА LIX ДЕВЯТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О бесподобном Хорасане и о прекрасном граде Герате

Воздвиг творец сияющих высот
И явный и не явный небосвод.

Он семь небес округлых сотворил,
Семью светильниками озарил.

Шесть — лучезарны, но седьмой средь них,
Как яркий факел среди свеч простых.

Три — в нижних сферах, три — огни высот,
А факел озарил четвертый свод.

Есть шесть небесных свеч; и все они —
От факела рожденные огни.

Тот факел перлом млечным назови,
Не перлом — солнцем вечным назови.

Султан семи небесных сфер — оно
Душою в тело неба внедрено.

На средней сфере неба свой престол
Султан светил блистающий обрел.

И поговорку вспомнить тут не грех,
Что «Дело среднее — важнее всех».

Как всем планетам путь указан свой,
Семь поясов имеет мир земной.

Меж ними вечная взаимосвязь
Во дни миротворенья родилась.

Но солнце ярче всех; оно идет
Эклиптикой, что делит небосвод.

Четвертый круг небес, что избран им,
Сравним с четвертым поясом земным.

Четвертый пояс средь земных широт
Блится, как четвертый небосвод.

В науке измерения земли
Иклим четвертый «раем» нарекли.

И в нем — прекрасней всех подлунных стран —
Лежит благословенный Хорасан.

Четвертой сферы неба шире он,
Как свод седьмой, возвышен в мире он.

Его неисчислимы города,
И каждый город — яркая звезда.

Все города в тени садов густых;
Как ангелы и пери — люди в них.

Над Хорасаном горные хребты,
Как стены неприступной высоты.

А в недрах гор — сокровищ тайники,
К ним глубоко прорыты рудники.

Живые воды на степной простор
Бегут, шумя, с могучих этих гор.

Краса его долин светлей стекла —
Где водоемы, словно зеркала.

Его полям зеленым и садам
Завидует цветник небесный сам.

Цветет он, плодородием дыша.
Мир — это тело; Хорасан — душа.

Скажи: грудная клетка мира — он;
В груди Герат, как сердце, заключен.

Живое сердце, в похвале о нем,
«Султаном папства тела» мы зовем

«Султаном царства тел» мы зовем.

Ты свой Герат, исполнившись любви,
«Султаном стран вселенной» назови!

Он сердце мира и живет в сердцах;
Так в центре войск шатер свой ставит шах.

При виде шаха, радости полны,
Войска восторгом воспламенены.

Не грех, что полюбился он сердцам:
Герат — наш кров, наш отчий дом и храм.

Перо мое крылатое, спеши,
Красу его убранства опиши.

Ты свой Герат не градом называй —
Ирема светлым садом называй.

Окружность Хорасана велика:
Чтоб обойти его, нужны века.

Узор дорог бесчисленных его
Начертан кистью неба самого.

Здесь почва — мускус, урожай — двойной,
Страна обильна, словно рай земной.

В Герате башни крепостной стены
Долину озирают с крутизны.

Вокруг Герата главы снежных гор
Встают под небо синее в упор.

Неколебим гератских стен отвес,
Врата их — арки девяти небес.

А купола дворцов в лучах зари
Горят, как ангельские алтари.

Резьба блистает на стенах дворцов
Под бирюзою синих куполов.

Сквозь арки непомерной вышины
Пройти могли б небесные слоны.

Видны хребта земного позвонки
Во рвах; так рвы твердыни глубоки.

Как небо, крепость замка высока;
Над замком звезды неба, как войска.

Базары града знает целый свет,
Там дорогим товарам счета нет.

Там сколько бы добра ни покупать,
Во сто раз больше будут предлагать.

Шумят базары, чуть блеснет заря,
Неисчерпаемые, как моря.

Там блещут, как небесная река,
Стоцветные атласы и шелка.

А у заргаров радугой огней
Играют груды дорогих камней.

Ты на большом базаре городском
Заблудишься, забудешь обо всем.

На главную соборную мечеть
Нельзя без восхищения глядеть.

Столица — мир, мечеть в ней — мир другой,
Как в синей сфере неба — шар земной.

Его минбар уводит к небесам,
Туда, где Мушгари сияет нам.

Ее михраб, серпом луны горя,
Прекрасен, как вечерняя заря.

Дворцы блистают дивной красотой
И в городе, и за его чертой.

Везде, куда пришлец ни поглядит,
Благоустройство дивное царит.

Из многих малых городов и сел
Возник Герат, как море, и процвел.

Названия кварталов и садов
Идут от ста названий городов.

О боже, боже! — Люди говорят, —
Храни всегда прекрасный наш Герат.

В нем два светила, двух планет светлей,
Как Млечный Путь, цветенье двух аллей.

Я там мечетей не сочту святых,
Смотрю с благоговением на них.

Там каждый хлеб, что бедным раздают,
Подобным солнцу люди назовут.

Там по утрам Корана каждый стих
Гремит, как хоры ангелов святых,

Там медресе, как медресе небес,
Ключи познания и живых словес.

Строителям, сумевшим их создать,
Поистине присуща благодать.

Познания жар в учениках горит,
У них учиться должен Утарит.

Возвышенные своды этих школ —
Как купола небесного престол.

Горит рассвет, блеснув из облаков,
В сверкающей эмали куполов.

И минареты дивной высоты
Красуются повсюду, как цветы.

Над ними пери легкие парят,
Обряд для нас неведомый творят.

Ты видишь — стая ангелов сошла

На их сверкающие купола.

Ты скажешь: минареты — строй колонн,
На коих трон аллаха утвержден.

На острых куполах серпы луны
Путь человека озарять должны.

Там муэдзин по лестнице крутой
Восходит ночью со своей свечой.

Движение неба чередой полос
На куполах блестящих отлилось.

Мечети дивной красоты стоят,
Украшенные, как небесный сад.

Там голуби живут, как Джабраил,
Сложивший крылья у престола сил.

Войдя в мечеть, под исполинский свод,
Чистосердечно молится народ.

Пять раз на дню ты должен совершать
Намазы и пророка восхвалять.

Сады Герата! Каждый сад его
Прекраснее эдема самого.

И каждый сад — отрады полон он
Всем, кто трудом и зноем изнурен.

Там цветники всегда полны цветов,
Тропинки выются между цветников.

Там шестигранные есть цветники
И восьмигранные есть цветники.

Там расцветает столько видов роз,
Что мне их сосчитать не удалось,

И садоводы знающие тут
Плодовые деревья берегут.

Вот так цветет, красуется Герат,
Земля услад, прекрасный сад отрад.

Там розы, обвиваясь вкруг ветвей,
Цветут среди мощеных площадей.

Там сотни птиц пернатых гнезда вьют
И день и ночь на сто ладов поют.

Журчанием арыков ночь полна,
Как пир отрадный бульканьем вина.

Журчанье вод и свежий шум ветвей
Велят на пир ночной созвать друзей.

Чертогами, пленяющими взгляд,
Художники украсили Герат.

На стенах роспись — чинские шелка,
В той росписи Мани видна рука. [\[24\]](#)

А на твердыне замка сам Кейван,
Как страж, хранит Герат и Хорасан.

На юге город огражден рекой,
Она подобна небу синевой.

Взгляни на пузыри кипящих вод:
Любой из них, как бирюзовый свод.

А с севера — прозрачны и звонки —
Наш город орошают две реки.

Вода их вкусом слаще райских вод,
В них влагу жизни черпает народ.

Сады над ними, полные красы,
Под ветром шелестят, как речь Исы.

Предмесья города среди садов —
Подобия цветущих городов.

Ни Самарканд с предместием любым,
Ни даже Миср богатый не сравним

ли даже мир богатый не сравним.

Продли, аллах, святого мира дни,
Герат от всех несчастий охраняй!

Таким он не был двадцать лет назад —
Прекраснейший из городов Герат.

Столица и держава расцвели
По воле властелина сей земли.

Разумен, тверд во всех своих делах
Победоносный справедливый шах.

Ануширван — прославленный в былом —
Стал ныне бы его учеником.

Пусть в справедливости он преуспел,
Но светочем ислама не владел.

Закон, без света истины святой,
Негоден в управлении страной.

Забыто все... Лишь тем в столетиях жив
Ануширван, что был он справедлив.

Знай: справедливость громче славных битв
И выше догм, религий и молитв.

Султан, что справедливость утвердит,
Свой век бессмертной славой озарит.

Пока стоят земля и небосвод,
Пусть благоденствует любой народ.

Благоустраивай лицо земли,
Добру и справедливости внимай.

В твоих руках — народ и мир земной,
Не только этот — но и мир иной!

ГЛАВА LX

Рассказ о царе Бахrame

Когда из мира лзди-джирд ушел,
Бахрам воссел на отческий престол.

Но вместо управления страной,
Он затевал вседневно пир горой.

Коль царь умеет только пить и спать,
Враги начнут державу разрушать.

Бахрам, в угодах рыская степных,
Не видел горя подданных своих.

Его вазирь грабили казну
И разоряли славную страну.

Охотился Бахрам в глухих степях.
Отстала свита; заблудился шах.

Шалаш разрушенный увидел он,
Услышал чей-то тихий плач и стон.

Дом обвалился, словно дом души,
От всех таящей боль свою в тиши.

В стене торчали стрелы, след вражды,
Насилия или другой беды...

В руину царь вошел и видит в ней
Ограбленных, измученных людей.

Хозяин бедственной лачуги той
Принес Бахраму хлеб, кувшин с водой.

«Как ты живешь?» — спросил его Бахрам.
Ответил: «Как живу, ты видишь сам».

Бахрам сказал: «Всю правду мне открой, —
Что здесь случилось с ними и с тобой?»

Ответил: «Прежде лучше нам жилось,
Пока гонение не началось.

Наш новый царь вино беспечно пьет,
Не видит он, как мучится народ.

Царь спит, а слуги царские в тот час
Идут и грабят беззащитных нас.

Вся эта столь богатая страна
В пустыню мертвую превращена».

Руины замка увидал Бахрам,
Спросил: «Скажи, что прежде было там?»

Ответил: «Это был богатый дом,
Прекрасный сад старинный рос кругом.

Цвели там розы, зрели там плоды,
Журчал поток каризовой воды.

От тех живых неистощимых вод

У земледельца множился доход.

Насильники, что грабить нас взялись,
Разрушили, засыпали кариз.

Сады погибли, высохли поля,
Мертва неорошенная земля.

Край обезлюдел, рушатся дома,
Как будто здесь у нас прошла чума.

Сам погляди — что с этих взять людей?
А слуги шаха все лютей и злей.

Мы — нищие, все отняли у нас,
Нам нечем жить. Пришел последний час!»

Все понял шах: мучительным огнем
Душа, скорбя, воспламенилась в нем.

Меч сострадания грудь его терзал,
От горя ком под горло подступал.

От сердца прочь беспечность отошла,
Увидел ясно он все корни зла.

Решил он — притеснителей казнить,
Добро и справедливость утвердить.

Великую он в этом клятву дал...
Тут кто-то с вестью доброй прибежал:

«Как мы взялись раскапывать кариз,
Воды прозрачной струи полились!»

Хозяин молвил: «Милостив творец!
Видать, наш царь-пьянчужка наконец

Над нашим горем сжалился душой.
Вода! — К добру, наверно, знак такой!»

Встал царь, дикхана поблагодарил
И щедро всех несчастных одарил.

Он истребил насилие и гнет,
От лихоимства защитил народ.

И правда им была утверждена,
И снова расцвела его страна.

Великий шах живет — известно мне —
Заботой о народе и стране.

За то и раем Хорасан зовут,
Что люди в благоденствии живут.

* * *

Мой шах? Мечты да сбудутся твои!

Да будет радость в том и Навои!

Эй, кравчий, поспеши фиал налить,
Хочу достойно шаха восхвалить!

Душа моя скорбит, угнетена.
Я смою гнет живой водой вина.

ГЛАВА LXI ДВАДЦАТАЯ БЕСЕДА

Наставление царевичу Бадиуззаману

ГЛАВА LXII ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я к этой книге приступил,
Почувствовав прилив духовных сил,

Я за живой водой пошел во тьму,
В страданиях, не зримых никому.

Я сталью острой очинил калам
И дал исход стремительным словам.

Страницы украшая, словно рай,
Тростник мой зазвучал, как звонкий най.

Звук, порожденный писчим тростником,
Пел, нарастал, взывая, как маком.

Приняв за пенье флейты этот звук,
Запел и заплясал суфийский круг.

Тот звук отшельничьих пещер достиг,
Всех девяти небесных сфер достиг;

Он поднял смуту среди толп людских,
Смятенье в сонме ангелов святых.

И праведники стали горевать
И ворота одежды разрывать.

И этой звонкой флейты перелив
Внимали пери, крылья опустив.

Под этот звук освободясь от мук,
Больные позабыли свой недуг.

Теперь, когда пленяющая взгляд
Красавица одета в свой наряд

И над землей, величия полна,
Взошла, как двухнедельная луна,

Стал виден весь Восток в ее лучах,
И смута на земле и в небесах

Вновь началась... Сломался пополам
Секретаря небесного калам.^[25]

Сокровищницы неба казначей
Слетел, кружась над головой моей.

Меня дождем бесценных жемчугов
Осыпал он из девяти ларцов.^[26]

Осыпал золотом и серебром
В великом расточительстве своем.

Как легкий вихрь кружился он, и пал.
И пыль у ног моих поцеловал.

Расставил он передо мной подряд
Сокровища, которыми богат.

Осыпал серебро моих седин
Рубинами неведомых глубин.

И стал я в удивленье размышлять,
Стал в размышленье душу вопрошать:

Ведь это все — написанное мной —
С моею жизнью сходственно самой;

Но это только тысячная часть
Того, над чем души простерта власть.

Пусть мой дастан достоинств не лишен,
Но как далек от совершенства он.

Он мыслями богат. Но где же строй?
В нем нет системы строгой и прямой.

Бывало — вдохновением дышу,
Но лишь двести тысяч напишу,

Зовут заботы; надо все бросать,
И некогда затылок почесать.

Как только тушь на небе голубом
Рассвет сотрет сернистым мышьяком,

И утро тьму ущелий, мглу и дым
Сметет лучистым веником своим,

И ночь знамена мрака унесет,
А день свой стяг багряный развернет,

И до поры, покамест этот стяг,
Склонясь к закату, не уйдет во мрак,

Покамест ночь наставшая опять
Не станет с сажей киноварь мешать,

Покамест над землею небосвод
Опять свои светила не зажжет, —

С рассвета до ночи лунную всей

С рассвета до ночи душою всею
Я пленник жалоб множества людей.

Не остается ни мгновенья мне
Побыть с самим собою в тишине.

И кто в мой дом печальный ни придет,
Сидит и забывает про уход.

Тяжелый, долгий разговор ведут,
Сидят, пока другие не придут.

Толпится в доме множество людей,
Сжигая зданье памяти моей.

Задачи ставят, коих, может быть,
Никто не может в мире разрешить.

Прощенья просишь — дерзостью сочтут,
Все объяснишь — обиду унесут.

Будь с ними щедр, как небо, в их глазах
Любая щедрость только тлен и прах.

Тем, кто утратил в жадности покой,
Нет разницы меж каплей и рекой.

Все, что ты им даешь, они возьмут
И на тебя же с жалобой пойдут.

О, этот разноречивый пустых!
Лишь алчность — чувство общее у них.

Будь ты могуч, как богатырь Рустам,
Будь ты безмерно щедр, как был Хатам,

Будь, как Карун, несметно ты богат,
Останешься пред ними виноват.

Хоть я от всяких служб освобожден,
Хоть я своей болезнью угнетен,

Но все же не решаюсь их прогнать,
А слушаю, — и должен отвечать.

Я в слабости души себя виню —
И все-таки докучных не гоню.

И это каждый день... в течение дня
Пересыхает горло у меня.

Страдаю днем от глупости людей,
А ночью — от бессонницы моей.

И отдыха не суждено мне знать;
Урывками я принужден писать.

Прости погрешности стихов моих!
Мне было некогда чеканить их.

Мне сроки рой забот укоротил,

Свой замысел не весь я воплотил.

О, если б я, благодаря судьбе,
В день час иль два принадлежал себе,

То я не знал бы никаких препон,
Всецело в море мыслей погружен,

Я доставал бы перлы редких слов,
Нырять в бездну, как жемчуголов.

Я добыл бы — силен, свободен, смел —
Сокровищ столько, сколько я хотел.

Я показал бы в наши времена,
Какою быть поэзия должна.

А так, возможно, тщетен был мой труд,
И звуки этих строк навек замрут...

Когда я так в печали размышлял,
Мне друг мой, светлый разумом, сказал:

«Что ты без сил склонился головой,
О воин справедливости святой?

Ты, честности пример среди людей,
Не поддавайся слабости своей!

Ты здесь достиг вершины красоты,
Но можешь высшего достигнуть ты,

Ты — языка творец — дерзай, твори!
Свободно крылья раскрывай, пари!

Твои создания — редкостный товар,
И вся вселенная — его базар.

Звездой блистает этот твой дастан,
Молва о нем дошла до дальних стран.

Я «Украшением вселенной всей»
Зову творение души твоей.

Небесной милостью осенено,
Блистает шахским именем оно!»

О шах, твоею славой, как аят,
Динары справедливости звенят.

Согнулось небо пред тобой кольцом;
И солнце — как твоя печать — на нем.

Как я могу хвалу тебе слагать?
Пылинке среди звезд не заблестать.

И капля меру знать свою должна,
Не может океаном стать она.

Но то, что высшей волей суждено,
Пусть будет по-прежнему свободно.

да оудет человеком свершено.

Сгорел в огонь влетевший мотылек,
К огню не устремиться он не мог.

Несчастный сумасшедший — для детей
Посмешище, мишень для их камней.

Подобьем тех камней, того огня,
Поэзия, ты стала для меня.

Хоть в мире слов свободно я дышу,
Но нет мне пользы в том, что я пишу.

И мысль меня преследует одна,
Что эта страсть опасна и вредна;

Поэзией зовется эта страсть,
И горе тем, кто предан ей во власть.

Нижи газель, как жемчуг; но лишь те
Поймут ее, кто чуток к красоте.

За истину в ней выдается ложь,
И скажут все: «Как вымысел хорош!»

Кто был стихописанием увлечен,
Мне кажется, что жил напрасно он.

Да лучше в погребке небытия
За чашей бедности сидел бы я!

Сумел бы от мирских тревог уйти
И думал бы о будущем пути!

Когда бы зной степной меня палил,
Я кровью сердца жажду б утолил...

Платил бы я на пиршествах ночных
Динарами телесных ран моих.

Меня бы одевала пыль пустынь,
Я не желал бы лучших благостынь.

Зонтом от солнца плеч не затеня,
Упорно к цели гнал бы я коня.

Была б в ягач моих шагов длина,
Моим венцом была бы седина.

Я шел бы, к цели устремлен одной,
Не чувствуя колючек под ногой.

Все бранные заботы разлюбя,
Я перестал бы сознать себя.

И был бы царский жемчуг слез моих
Приманкой птицам далее неземных.

И рана скорби на груди моей
Была б святыней страждущих людей.

Кровавые мозоли пят моих
Дороже были б лалов дорогих.

Из каждой капли крови этих ран
В долине бед раскрылся бы тюльпан.

Я искрами моих горящих мук
тепной простор осыпал бы вокруг.

И как весною, снова б зацвели
Пески пустынной, выжженной земли.

Когда бы я дорогой ослабел
И отдохнуть немного захотел,

Везде мне место — лечь, забыться сном,
Везде мне небо — голубым шатром,

Предгорий луг ковром служил бы мне,
А изголовьем камень был бы мне.

Едва прохлада сменит жаркий день,
Я лег бы на землю легко, как тень.

К моим ногам, измученным ходьбой,
Фархад склонился б и Меджнун больной.

И были бы ланиты их в крови
От сострадания к моей любви;

Хоть ни пред кем я не взывал о ней,
Не плакал о возлюбленной моей.

И поняли бы вдруг, изумлены,
Два призрака глубокой старины,

Что в области любви властитель — я,
Что на века над ними — власть моя.

...Когда б такой я степени достиг
И стал душой в страданиях велик —

Весь мир, подобный радостной весне,
Прекрасный мир зинданом стал бы мне!

Тогда б сурьюю пыль моих одежд
Была для ангельских пречистых вежд,

И мне любовь моя и божество
Открыла б солнце лика своего,

И жители небес, как стая птиц,
Кружась пред нею, падали бы ниц...

...И устремил свой взор духовный я
Поверх небытия и бытия.

Решил бесстрашно, как Сейид-Хасан,
Преодолеть сей бурный океан.

Меня душа, как птица, ввысь влекла,
К земле тянули низкие дела.

Вело веленье духа в райский сад,
А низменная страсть бросала в ад.

Лик этой страсти ангельски красив,
Но в ней слились в одно шайтан и див

И, каждый миг бесчисленно плодясь,
Над слабым сердцем утверждают власть.

Когда умножится зловещий рой,
Всецело овладев живой душой,

То человек, о правде позабыв,
Становится коварным, злым, как див.

Так говорю я, ибо я и сам —
Увы! — подвластен гневу и страстям.

Во имя бога вечного, душа,
Воспрянь, опору зла в себе круша!

Во власти этих дивов я томлюсь,
Великой кары в будущем страшусь.

Мой обиход — коль правду говорить —
Так плох, что хуже и не может быть.

А жизнь души нерадостной моей
Еще печальнее и тяжелей...

Пусть даже слез я океан пролью,
Грудную клетку превращу в ладью,

Но выплыть мне не даст в ладье такой
Гора грехов — огромный якорь мой.

Я внешне человек, но — видит бог,
Как я от человечности далек...

Меня — изгнанника — от Солнца Сил
Поток тысячелетий отделил...

Вот мудрецы беседуют в ночи —
В своих речах они прямой свечи.

Но змеи зависти в душе их те ж,
От бури злобы в сердце их мятеж.

И я, как все, вместилище страстей
И недостойн похвалы людей.

«Защитником народа» я слыву,
Гласит молва, что правдой я живу.

Слыву «пленным вечной красотой»,
Безгрешным и глазами и душой.

Соблазн гоню от глаз... Но как в тиши
Осилью вожделения души?

Погибну, коль на помощь не придешь,
Коль сам меня ты, боже, не спасешь!

Всю жизнь мою, все прошлые года
Я вспоминаю с мукою стыда.

А весь мой труд — калам, бутылъ чернил,
Всю жизнь свою бумагу я чернил...

Калам речистее, чем мой язык,
Письмо чернее, чем мой темный лик.

Коль милостью их не омоешь ты,
Как им избавиться от черноты?

Длинна, я вижу, цепь моих стихов;
Стократ длиннее цепь моих грехов.

О господи, раба не осуди!
Меня над гранью бездны пощади,

Коль хорошо сложил дастан я свой!
А если плохо — то я весь плохой.

Благоволеньем озари мой труд,
Пусть эти строки сердца не умрут,

И пусть глубины мысли в книге сей
Откроются, сияя, для людей!

Велик мой грех. Но что весь груз его
Пред морем милосердья твоего?

Пусть добрых дел моих ничтожен след,
Но милости твоей предела нет!

РАССКАЗ О РАБЕ

Жил, знаменитый правосудьем встарь,
В одной стране великодушный царь.

Раб у него был верный, пазанда,
Великий повар, славный в те года.

Однажды царь с гостями пировал,
А повар сам все блюда подавал.

И в спешке вдруг, усердием горя,
Горячим блюдом он облил царя.

И все решили: нет прощенья тут,
За грех такой его теперь убьют.

Шах глянул на несчастного того
И сжалился и пощадил его.

Рассказ о рабе. О том, как раба мой

Базир сказал: «Ответь, владыка мой, —
Как ты миришься с дерзостью такой?»

А царь в ответ: «Взгляни — он весь дрожит,
Он страхом и смущением убит.

А ведь убитого — ты должен знать,
Не принято повторно убивать.

Он тягостным раскаяньем томим,
И мы его невольный грех простим!»

О боже, мир падет, хвалу творя,
К стопам великодушного царя.

Я трудно жил, в грехах свой век губя,
Но жив одной надеждой на тебя!

Измучен я, казнен моим стыдом,
Но ты за муки воздаешь добром.

Хоть недостойн я твоих щедрот,
Но свет моей надежды не умрет.

О море щедрости! Кто я такой?
Из моря хватит капли мне одной.

Я знаю — только с помощью творца
Довел я эту книгу до конца.

И я «Смятеньем праведных» назвал
Свой труд, как только суть его познал.

Пищу в благословенный восемьсот
Восьмьдесят восьмой — по хиджре — год. ^[27]

Ты, переписчик будущего дня,
Молитвой краткой помяни меня!

И да исполнит бог мечту твою,
Да уготовит сень тебе в раю.

О Навои, вина теперь налей
И чашу благодарности испей.

Эй, кравчий мой, хранитель чистых вин,
Не надо чаши! Дай мне весь кувшин.

Сегодня я без меры пить хочу,
На время сам себя забыть хочу!

Миниатюра из рукописи XV в.

«Смятение праведных».

ФАРХАД И ШИРИН

Перевод Л. Пеньковского

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ О КАЛАМЕ, О НИЗАМИ, О ХОСРОВЕ

Калам! Ты нашей мысли скороход.
Превысил ты высокий небосвод.

Конь вороной воображенья! Нет, —
Быстрее Шебдиза ты, но мастью гнед.^[28]

Неутомим твой бег, твой легкий скок,
А палец мой — державный твой седок.

Гора иль пропасть — как чрез мост, несешь.
Ты скачешь — и, как знамя, хвост несешь.

Нет, ты не конь, а птица-чудо ты:
Летать без крыльев можешь всюду ты.

Из клюва мелкий сыплешь ты агат.
Нет, не агат, — рубинов щедрый град!

Сокровищницу мыслей носишь ты,
О птица человеческой мечты!

Так рассыпал сокровища в стихах
Тот, чей в Гяндже лежит священный прах.^[29]

Он мир засыпал жемчугом своим, —
Как звезды, жемчуг тот неисчислим.